

Барышня и хулиган

Автор:

Татьяна Полякова

Барышня и хулиган

Татьяна Викторовна Полякова

Авантюрный детектив

Скромная школьная учительница Ольга Иванова давно знала, что ее сестрица Катя отчаянная авантюристка. Знала, но позволила втянуть себя в сомнительную историю. И вот пожалуйста, – труп на ковре в гостиной, труп в загородном доме... Но это только цветочки – кому-то очень нужна жизнь Ольги. Но кому? Куда, в конце концов, подевалась ее непутевая сестрица? Ольга понимает, что узнав правду, она спасет себе жизнь. Только так – и никак иначе.

Татьяна Полякова

Барышня и хулиган

Я сидела возле открытого окна и, должно быть, в десятый раз перечитывала «Праздник, который всегда с тобой», причем так увлеклась, что вроде бы забыла, где я, собственно, нахожусь на самом деле, уставилась в книгу, уже некоторое время не переворачивая страницу, и предалась мечтам. Париж... Господи, хоть бы раз пройтись по его площадям, прокатиться по Сене на маленьком пароходе...

Раздался разбойничий свист, я вздрогнула, подняла голову, а потом вздохнула. Парижем и не пахло. Я – на своей кухне площадью пять квадратных метров, слева шкаф, справа холодильник, за окном передо мной вместо Эйфелевой башни трансформаторная будка, а рядом с ней клумба, на которой назло всем

стараниям нашего дворника второй год ничего, кроме одуванчиков, не растет.

Я поставила чайник на плиту, для этого мне не пришлось даже подниматься со стула, еще раз выглянула в окно, точно всерьез надеялась, что двор стандартной «хрущевки» вдруг возьмет да и превратится в Елисейские Поля, еще раз вздохнула и заметила вслух:

- Не видать тебе Парижа как своих ушей.

Надо сказать, мечта увидеть Париж обосновалась во мне давно и крепко. В пятом классе я прочитала «Трех мушкетеров», и с тех пор Париж стал для меня голубой мечтой. Я выросла, вносила в свою мечту кое-какие коррективы, а столица Франции становилась все желаннее. Временами мне казалось, что я малость свихнулась, но я тут же утешала себя: у человека должна быть мечта, иначе для чего тогда жить?

Судя по всему, моя мечта так и останется мечтой, потому что я с трудом представляла, каким образом могу ее осуществить. После окончания школы я поступила в педагогический институт, разумеется, на иняз, закончила его и оказалась в средней школе № 27, и только где-то через год сообразила, какого дурака сваяла. Сея разумное, доброе, вечное, о Париже следует сразу же забыть. Отправиться во Францию по турпутевке – нет денег. Допустим, меня пригласят в гости (когда я училась в институте, именно на это и рассчитывала), но даже на билет в один конец я вряд ли накоплю раньше, чем лет эдак через десять. Почти половину зарплаты я отдавала за «хрущевку», в которой жила, а второй половины едва хватало на то, чтобы с трудом дотянуть до следующей полочки.

В общем, оставалось лишь одно: смотреть на трансформаторную будку и делать вид, что это Эйфелева башня, чем я и занималась в настоящий момент. Кроме того, в этот же момент я находилась в отпуске. Вчера я вернулась с дачи, где гостила две недели у подруги, денег у меня кот наплакал, потому что я купила себе демисезонное пальто, а значит, остальные дни отпуска обещают быть весьма плодотворными по части соображений, как протянуть до зарплаты, которая будет только осенью.

На плите фыркнул чайник, а я, решив утешить себя, достала шоколад, припрятанный для гостей, и, с грустью глядя на клумбу с одуванчиками, весь его

съела, запила чайком и сказала:

– Может, мне повезет и я выйду замуж за миллионера.

Идея свежая, а главное, легко осуществимая: пятеро моих подруг уже несколько лет тоже мечтали об этом. Беда в том, что в нашем районе миллионеры водились неохотно и напоминали привидений: все о них говорят, но никто их не видел.

Я вздохнула в третий раз, захлопнула книгу и посоветовала себе отправиться на пляж – день обещает быть жарким, и чем забивать себе голову разной чепухой, лучше позагорать, тем более что это развлечение не стоит ни копейки.

Я поднялась из-за стола и в этот момент увидела нечто совершенно необыкновенное: в нашем дворе показалась машина, белоснежная и элегантная. Ранее ничего подобного видеть мне не приходилось. Я до неприличия широко открыла рот, сообразив, что это, должно быть, тот самый миллионер, о котором я только что мечтала. А у кого же еще может быть такая шикарная машина? Испытывая огромное любопытство (кому-то ведь счастье привалило, раз миллионеру что-то понадобилось в наших трущобах), я влезла на подоконник и едва не вывалилась из окна. Впрочем, у меня первый этаж, а разбивавшее меня любопытство было сильнее страха заполучить незначительные увечья.

Белоснежное чудо достигло стоянки на углу нашего дома и пристроилось по соседству с мусорными баками. Дверца распахнулась, и из машины показалась женщина с платиновыми волосами, в голубом костюме, в голубеньких босоножках и с довольно вместительной сумкой в левой руке. Она немного постояла, разглядывая наш двор, и направилась к моему подъезду, а машина не спеша тронулась с места и вскоре исчезла за углом. Если миллионер и заглянул в наш двор, так мне от этого мало радости, коли у него уже есть подружка. Женщина как раз подошла к подъезду, и я с удивлением узнала в ней Катьку, свою сестру. Тут и она заметила, что я торчу в окне, и крикнула весело:

– Привет. Ты чего, окна моешь?

– Нет, котов гоняю, – пробормотала я и пошла открывать дверь.

Надо сказать, что с родной сестрицей мы виделись от случая к случаю и без особой охоты. Катька на четыре года старше меня. Когда мы были маленькими, она заставляла меня мыть посуду, убираться в квартире, за что я ее люто ненавидела, так как от природы была довольно ленива. Повзрослев, Катька посылала меня с любовными записочками к своим приятелям, а если я отказывалась, таскала за волосы. Любви к ней во мне это не прибавило. Училась Катька плохо, целыми днями валялась на диване, листая глянцевые журналы, и каждые пять минут повторяла: «Куплю себе такую тачку... куплю себе такую шубу...» – до тех самых пор, пока я, потеряв терпение, не запускала в нее подушкой, после чего Катька либо замолкала, либо швыряла подушку в меня, и мы отчаянно дрались.

Мама, глядя на старшую дочь с недоумением, повторяла: «В кого только ты у нас такая?» Сама она всю жизнь проработала в школе учительницей начальных классов и о «тачках» и шубах даже не мечтала, имея на руках двух девчонок, больную мать и тихоню-мужа, который в возрасте сорока лет всех нас удивил: оставил семейство и женился на лаборантке, работавшей с ним в одном отделе НИИ. Правда, мама получила кое-какое моральное удовлетворение – теперь, глядя на Катьку, она приговаривала: «Вылитый папаша, прости господи».

С трудом закончив девять классов, сестрица поступила в швейное училище, через два месяца сообщила, что выходит замуж, уехала со своим избранником в неизвестном направлении и с тех пор жила отдельно, появляясь в родном городе весьма редко. Через некоторое время и я покинула родной город и уже начала забывать о том, что у меня есть сестра, когда вдруг получила от нее письмо, а вскоре и сама Катька возникла в нашей общаге, произведя настоящую сенсацию, ибо явилась на «трехсотом» «Мерседесе», в шубе из соболей и в компании молодого человека бандитского вида. В гостях они пробыли минут пятнадцать, и я уже было решила, что Катьку привели ко мне отнюдь не родственные чувства, а желание похвастаться: ведь все, что она когда-то присмотрела в глянцевых журналах, у нее теперь было, и я должна была это засвидетельствовать, но в последний момент сестрица, отправив спутника в машину, сунула мне в руки конверт и прошептала: «Спрячь. От этого зависит моя жизнь».

Следующие три месяца стали для меня сущим мучением. Конверт я спрятала, но не проходило и дня, чтобы я о нем не думала, пытаюсь отгадать, что же там такое? Конверт был тонкий, в нем лежал сложенный листок бумаги, а что на нем написано, прочитать было невозможно, не распечатав конверта, хотя я и

старалась изо всех сил. Заглянуть внутрь я так и не рискнула, напоминая себе, что сестра мне доверилась и если б она хотела, чтобы я знала, то не стала бы запечатывать конверт, а коли уж она запечатала...

В конце концов я так разозлилась, что решила: в конверте нет ничего интересного, а Катька все придумала нарочно, чтобы я ломала голову и изнывала от любопытства.

Но тут явилась Катька, темной дождливой ночью, с многочисленными ссадинами на лице и руках и первым делом спросила:

- Конверт цел?

Отлеживалась она у меня дней пять, не пожелав ничего объяснить, и вновь исчезла, правда ненадолго: пожаловала на мой день рождения в компании очередного молодого человека бандитского вида, обнимала меня, называла сестренкой и даже подарила золотую цепочку и отбыла через полчаса на вишневом «Опеле». После этого я пришла к выводу, что жизнь Катьки в отличие от моей чрезвычайно насыщена событиями, и задавать вопросы перестала. Если сегодня она появилась на шикарной тачке, значит, дела у нее идут неплохо и беспокоиться нечего.

Я распахнула входную дверь, Катька вошла, бросила сумку на пол, огляделась, хмыкнула и сказала:

- Ну и сарай.

- Ага, - расцвела я в улыбке. - Но и он мне не по карману.

- Кто ж тебя просил в училки идти?

- Я ж не знала, что швей-мотористки миллионами ворочают.

- Ладно, - махнула рукой Катька, взяла меня за плечи и смачно расцеловала, я вытерлась ладонью, поморщилась, заметив ворчливо:

- Губищи-то покрасила... Ты опять на две минуты или хоть чаю выпьешь?

– Я надолго, – сказала она, заглядывая в комнату. – У тебя ведь отпуск?

– Конечно. Летние каникулы.

– Отлично. – Вслед за мной Катька вошла в кухню. Взгляд ее натолкнулся на книжку на подоконнике, сестрица усмехнулась и весело спросила: – Все о Париже мечтаешь?

– Мечтаю, – огрызнулась я.

– Понятно. Хочешь, куплю тебе путевку? Всего-то семьсот баксов.

– Да. – Я широко улыбнулась и спросила: – У тебя есть семьсот баксов и ты готова потратить их на меня?

– Ну... сестры должны помогать друг другу, – туманно ответила Катька, а мне стало ясно: она не так просто появилась у меня, что-то ей нужно, путевка в Париж нечто новенькое... В общем, следует быть настороже. – Я тут тебе кое-что привезла, – продолжила сестрица. – Хочешь взглянуть?

– Конечно, – хмыкнула я, мы вместе вернулись в прихожую за сумкой и втащили ее в комнату. Катька поставила сумку на диван и расстегнула «молнию». Кое-что оказалось шикарным брючным костюмом персикового цвета.

– Примерь, – сказала Катька. – Покупала на себя, думаю, тебе как раз.

Несмотря на четыре года разницы, мы с Катькой примерно одного роста и одной комплекции. В детстве считалось, что мы очень похожи. Возможно, что граждане были правы, но только не сейчас: Катька в шикарном костюме, с крашеными платиновыми волосами, с модной прической и дорогой косметикой, а рядом я: в шортах, майке, волосы зачесаны назад, очки в дешевенькой оправе... Словом, если мы и были похожи, то примерно как замарашка-Золушка на свою дражайшую мачеху. Я напялила костюм и с удовлетворением констатировала, что даже очки меня не портят.

– Блеск, – отойдя на пару шагов, кивнула Катька. – Очкиними.

– Я без них плохо вижу.

– Это потому, что книжки дурацкие читаешь. Какая тебе от них польза? Только глаза портишь.

– Чего тебе мои глаза, за свои беспокойся. За костюм спасибо, если это подарок, конечно, а если взятка, то выкладывай, чего тебе от меня надо.

– Кто ж так сестру встречает, дура? – надулась Катька, но ни чуточки не обиделась. Она стащила с меня очки и уставилась в зеркало, но смотрела не на свою физиономию, а на мою.

– Сама дура, – подумав, ответила я.

– Конечно, мы ж родственники, причем близкие. Слушай, тебе надо покрасить волосы.

– Не надо, – категорически возразила я. – Ни красить, ни стричь, потому что делать это надо регулярно, а у меня денег кот наплакал. Лучше я буду с хвостом ходить и с тем самым цветом, которым меня наградил господь.

– Папаша, – поправила Катька. – Это он у нас был такой пегенький...

– А ты сама-то какая? – скривилась я.

– Да я уж и забыла... – В этом месте Катька набрала в грудь воздуха и вдруг заорала: – Я забыл, какого цвета твой платок зеленый был...

– Чокнутая, – покачала я головой. – Обедать будешь? У меня есть пельмени и варенье к чаю.

– Пельмени? Буду.

Я сняла костюм и определила его в шкаф. Катька критически разглядывала меня, пока я дефилировала в одном белье, и заявила не без гордости:

- Фигура у тебя лучше моей. Мужики, поди, с ума сходят?

- Где они, мужики-то? - хмыкнула я. - Я в школе работаю. Коллектив дружный, за последние десять лет новички только я да Юлька, она физику преподает. Средний возраст преподавателей пятьдесят два года. Юлька высчитала, если не врет, конечно. Но и так заметно, что очень скоро без пенсионных торжеств дня не пройдет.

- Что ж ты, кроме своей школы, никуда не ходишь?

- Почему не хожу? Вот на пляж собиралась...

- Ясно, - вздохнула Катька и опять полезла с вопросами: - А парень у тебя есть?

- Пашка иногда заходит, но если честно, лучше б он к кому другому заходил.

- Это рыженький, нудный такой?

- Точно. Его три недели назад с завода уволили, и теперь он не просто нудный, он кого хочешь в гроб загонит.

- А больше новостей нет?

- Нет, - покачала я головой.

- Значит, ты в отпуске и совершенно свободна...

- И еще без денег, - добавила я. - А что ты там насчет Парижа болтала?

- Ничего я не болтала, - обиделась Катька, устраиваясь за столом, а я принялась варить пельмени. - Я ж знаю, у тебя мечта. А семьсот баксов для некоторых людей деньги плевые.

- Для тебя? - задала я вопрос. Катька уставилась в окно и вдруг заявила:

- Помоги мне, а?

Я потеряла нос, остерегаясь давать поспешные обещания.

- А чего делать-то?

Сестрица выразительно вздохнула, переведя взгляд на мою физиономию.

- Тут такое дело. Мужик у меня... не мужик, а розовая мечта или голубая, фиг ее знает, одним словом: конфетка. Денег куры не клюют. Зовет меня на Канары на десять дней.

- Здорово, - согласилась я, слегка завидуя чужому счастью. Правда, интересовал меня Париж, а Канары были совершенно безразличны, я даже толком не знала, где они находятся. Но совсем душой я не была и слышала, что Канары - это круто, и с мужиком Катьке вправду повезло.

- Он женат, - заявила сестрица без энтузиазма.

- Кто? - нахмурилась я.

- Мужик этот, естественно. А его жена суцая стерва. Вечно его выслеживает. Короче, она подозревает, что мы с ним...

- Это плохо, - посочувствовала я.

- Еще бы... Развестись с ней он сейчас не может, у них общий бизнес и все такое. Сказал, что едет с друзьями на охоту, в тайгу. Она комаров до смерти боится и в тайгу не сунется, как бы ни подозревала. Там такая глухомань, о сотовой связи и не слыхивали... - Катька замолчала, с томлением глядя на меня, я моргнула и, не выдержав, сказала:

- Ну... по-моему, все отлично придумано.

- Так-то оно так, - пригорюнилась Катька, - но жена у него хитрющая, и, если окажется, что муж в тайге и я одновременно исчезла из города, ее и комары не остановят.

- И что? - насторожилась я, начав соображать, куда клонит Катька, но отказываясь в это верить.

- Ты могла бы мне помочь, - заявила она.

- Как? - хмыкнула я, уперев руки в бока, и чуть не проворонила пельмени, чертыхнулась, убавила огонь и покачала головой.

- У тебя отпуск, - вкрадчиво продолжила сестрица. - Какая разница, где тебе сидеть: на своей или на моей кухне? А меня ты здорово выручишь. Как только я вернусь, сразу же поедешь в Париж. Если не веришь, я тебе деньги вперед дам - заказывай путевку хоть сегодня.

Я немного постояла с открытым ртом, швырнула ложку, которую до сего момента держала в руках, и спросила с обидой:

- Чего ты мелешь? - Надо сказать, Катькино обещание произвело на меня впечатление, а в Париж хотелось так, что во рту пересохло. Я жалобно вздохнула и неожиданно разозлилась на сестрицу.

- Все очень просто, - добавив в голос вкрадчивости, начала она, почему-то переходя на шепот. - Тебе только и дел, что показываться на моей работе. Она придет, увидит тебя и успокоится. Заметь, все довольны: и гримза эта, и ты, и мы...

- Как же я на твою работу пойду? - не поняла я. - Что я там делать буду?

- Ничего. Я сейчас в отпуске и ты, естественно, тоже. Короче, работать не надо. Главное, чтобы эта его мымра тебя там увидела, если ей придет в голову охота проверить: в городе я или куда уехала.

- А где ты работаешь? - окончательно перестала я понимать что-либо.

- В ночном клубе, - ответила Катька.

- Кем? - испугалась я.

– У меня сольный номер.

– Танец живота, что ли? – ожидая самого худшего, допытывалась я, а Катька заявила:

– Нет. Я пою.

– Что ты делаешь? – Тут надо пояснить: вот уж чего сестрица совершенно не умела, так это петь. Кому это знать, как не мне, я закончила музыкальную школу, наша мама, добрая душа, любила устраивать детские праздники и всегда просила меня: «Оленька, разучите с Катей какой-нибудь романс», – и я честно старалась, пока не поняла: не только романс, но и самую пустяковую песню про кузнечика Катька не в состоянии спеть без того, чтобы все не перевернуть. Оттого я сейчас и сидела с выпученными глазами, силясь понять, с чего это Катька вздумала так шутить. Должно быть, вид у меня был на редкость глупый, сестрица поморщилась, а я разозлилась: – Ты не умеешь петь.

– А кто умеет? – разозлилась в ответ Катька. – Я хоть на первый канал телевидения не лезу, хотя ничуть не хуже этих... Просто у меня денег нет... Ладно, это все ерунда. Главное, тебе надо каждый вечер появляться в кабаке, чтоб любая собака знала: никуда я не уехала.

– Ты точно спятила, – обиделась я. – Как же я буду сидеть в твоём кабаке? Ты что же, в парандже выступаешь?

– Глупость какая, нет, конечно.

– Тогда твои коллеги должны знать тебя в лицо и...

– Мы похожи, – хмуро заявила Катька.

– Возможно. Но не до такой же степени, чтобы принять меня за тебя.

– А ты постарайся. За семьсот баксов плюс... скажем, пятьсот баксов на расходы в Париже, ну и сто баксов сейчас, чтобы ты не чувствовала себя сиротой казанской...

– Ты что, в самом деле миллионера подцепила? – нахмурилась я.

– Разумеется. И если я поведу себя с умом, он бросит свою мымру и женится на мне, а Канары для этого самое подходящее место... Ты мне сестра и в таком деле просто обязана помочь, тем более что для тебя это ничегошеньки не стоит и даже наоборот. Заходишь каждый вечер в кабак, выпиваешь рюмку мартини и двигаешь дальше. Вовсе ни к чему с кем-то трепаться. А если начнут доставать, не церемонься и просто посылай к черту, можешь мне поверить, никто не удивится. Главное, чтоб все знали: я в городе. У мымры в кабаке свои люди, они ей непременно донесут, что я в городе, а через десять дней я вернусь и ты поедешь в Париж. Ну, как? Я и краску для волос прихватила. Между прочим, я закончила курсы парикмахеров и сама себя стригу лучше всяких мастеров. Мы тебе сейчас такую прическу забацаем...

Вместо того чтобы послать сестрицу к черту, я стала прикидывать: смогу ли я в самом деле в течение десяти дней выдавать себя за другого человека так, чтобы никто этого не заподозрил? В институте я играла в студенческом театре. Между прочим, леди Макбет. В конце концов, если меня разоблачат, то это Катькина проблема – расхлебывать кашу, раз уж она ее заваривает. Десять дней лицедейства, а потом Париж...

Если честно, раздумывала я недолго, приключений в моей жизни не водилось, а тут вдруг такое: откажусь я, и что? Буду читать Хемингуэя, сидя у окна, ходить на пляж и мечтать о Париже, слушать сетования подружек, что вот, мол, лето кончится, еще один год из жизни долой, а он так ничем и не порадовал.

– Ну... – нетерпеливо сказала Катька, ухватив меня за руку. Я сглотнула и решительно ответила:

– Я согласна.

Следующие два часа мы занимались моим внешним видом. Сестрица покрасила мне волосы, после чего занялась прической и макияжем, строго-настрого запретив мне смотреть в зеркало, пока она не закончит. Когда же мы наконец вышли в прихожую и замерли возле большого зеркала, я была потрясена: как много все-таки значат тряпки, прическа и макияж. В первое мгновение меня ошарашил даже не тот факт, что я так похожа на Катьку, а то, что совершенно

не похожа на себя.

- Господи, - пробормотала я и стала разглядывать свое отражение в зеркале. Конечно, сходство с сестрой не было полным, но, как правильно заметила Катька, мне ж не в тыл врага идти, и кому вообще надо меня разглядывать.

- Я там особо не распространялась, что у меня есть сестра, - заявила она. - Так что никому в голову не придет сомневаться, что это я собственной персоной сижу в кабаке. А ты не испытывай судьбу, показалась минут на десять и сматывайся. Главное, чтоб мымра была уверена: я в городе.

- Понятно, - кивнула я и поинтересовалась: - Когда мне приступать?

- Сегодня. Я тебе билет на автобус купила.

- А ты?

- А я у тебя переночую и завтра на Канары. Позвоню своему, и он приедет за мной. - Это меня слегка смутило, и я задала еще один вопрос:

- Ты на чем приехала?

- На автобусе, - не моргнув глазом, ответила Катька. Я едва не брякнула: «Чего ты врешь?», потому что своими глазами видела, как сестрица выходила из роскошной тачки. Но я тут же себя одернула: Катька и в самом деле могла приехать на автобусе, а уж потом остановила машину... Поэтому водитель и отбыл, не став ее дожидаться. - Вот мой паспорт... на всякий случай.

- А как же ты без паспорта? - удивилась я.

- У меня загранпаспорт имеется, этого вполне достаточно. Вот деньги. В паспорте мой адрес, а вот ключи. А теперь садись, я тебе кое-что покажу и кое-что растолкую. - Катька извлекла из своей сумки пачку фотографий и разложила их на столе. - Эта гнусная морда - Юрий Павлович, хозяин нашего притона. Ты с ним особо не церемонься, почувствуешь, что ситуация напряженная, говори: «Да пошли вы все», и двигай дальше. Главное, не очень базарь с общественностью, потому как наших дел ты не знаешь, брякнешь чего и кто-то особо умный

заподозрит, что тут нечисто. Прикинься пьяной или скажи, что зубы болят.

- Ты ж говоришь, что в твоём кабаке мне надо появляться по вечерам, да и то минут на десять. Что ж, за это время мне сто вопросов задать успеют?

- Нет, конечно. Тем более что я сама вопросы не задаю и чужие не приветствую. На всякий случай сообщаю... Мало ли что.

Катя продолжила инструктаж, а я хоть и была занята поглощением информации, все же слегка удивилась: ни о ком из своих многочисленных знакомых сестрица не сказала доброго слова.

- Слушай, а у тебя друзья есть? - не выдержала я.

- У меня? - хмыкнула Катя. - Пруд пруди. Только это такие друзья... баб остерегайся. Бабы приметливее мужиков, могут заподозрить. И еще. В наш кабак приличные люди не ходят - решишь с кем закрутить любовь, дождись меня. Все ясно?

- Конечно. - Я пожала плечами и, не удержавшись, спросила: - А тот тип, с которым ты на Канары едешь, он на фотографиях есть?

Катя засмеялась:

- Любопытно?

- Любопытно, - кивнула я.

- Вернемся, я тебя с ним познакомлю.

- Слушай, а как мы встретимся? - опять спросила я.

- Когда? - не поняла сестрица.

- Когда ты вернешься. Представь, я в этом самом кабаке...

– А... Ну это совсем просто. Как прилетим, я тебе звоню, а ты сидишь дома и меня ждешь. Можешь начинать перекрашивать волосы, хотя мой тебе совет: оставайся блондинкой. Я даже не ожидала, что ты будешь так шикарно выглядеть.

– Я тоже, – пришлось согласиться мне.

Мы выпили чаю, и через полчаса Катька отправила меня на вокзал. Не успела я покинуть родной двор, как проезжавший мимо джип скрипнул тормозами, открылось окно и парень с физиономией, похожей на репу, громко крикнул:

– Хочешь подвезу, детка?

– Спасибо, мне недалеко, – пробормотала я и стала высматривать такси. Через минуту возле меня вновь остановилась машина, на этот раз «Фольксваген», передняя дверь распахнулась, и парень лет двадцати пяти с улыбкой во весь рот заявил:

– Прошу.

– Я такси жду, – слегка смутилась я.

– Я и есть такси, – обрадовал меня парень. – Куда едем?

– На вокзал, – ответила я, устраиваясь рядом, «Фольксваген» лихо тронулся с места, вливаясь в поток машин на проспекте. Парень то и дело поглядывая на меня, продолжая ухмыляться.

В другое время я бы посоветовала ему смотреть на дорогу, а тут вдруг сама разулыбалась. Он доставил меня к автобусу и дал свой номер телефона. Я клятвенно обещала позвонить, как только вернусь от сестры.

– Вот и женихи пошли, – усмехнулась я, устраиваясь возле окна и махнув рукой парню на прощание. Неожиданно это развеселило меня, я зажмурилась и подумала: «Настоящее приключение»... Но тут что-то похожее на занозу кольнуло меня: я всегда была тихоней, звезд с неба не хватала, до парней и всяких там авантюр у нас Катька охоча, а я не Катька, и все, что я сейчас

делаю... «Да заткнись ты», – посоветовала я самой себе. В этот момент автобус тронулся, я посмотрела в окно и рассудила, что теперь поздно что-либо менять, а потом пожелала себе удачи.

До города, где обреталась сестрица, я добиралась четыре часа. Бывать там раньше мне не приходилось, оттого, высадившись возле двухэтажного здания автовокзала, я с интересом огляделась. Площадь, впереди на холме древний собор, купола в лучах заходящего солнца отливают золотом.

– Хорошо, – вздохнув полной грудью, сказала я и направилась к стоянке такси. Через двадцать минут я стояла во дворе трехэтажного дома, построенного совсем недавно. Если честно, до этой поры видеть такие дома мне не приходилось, я имею в виду воочую, хотя я знала, что такое бывает и... – Зануда, – сказала я себе и принялась искать нужный мне номер на двери. Дом был десятиквартирный, у каждой квартиры свой отдельный выход на улицу и в гараж. Домофон, а на нужной мне двери был еще и молоточек вместо звонка, правда звонок тоже был, и я позвонила; как-то не верилось, что Катька может жить в таком доме. Потоптавшись на месте и убедившись, что открывать мне никто не собирается, я достала ключи и дрожащей рукой вставила их в замок. Что-то щелкнуло, и дверь открылась, я осторожно вошла.

На первом этаже был гараж и большой холл, на втором гостиная и кухня, а на третьем две спальни. В огромной гостиной лишь мягкая мебель да телевизор, даже штор на окнах не было, чувствовалось, что хозяйка вселилась сюда недавно и как следует не обжилась, но и с минимумом мебели квартира выглядела шикарно. Я опять-таки усомнилась, что она принадлежит Катьке, вынула паспорт и проверила прописку: улица Комсомольская, дом семь, квартира три. Неужели такую квартиру можно заработать пением в кабаке? Может, и можно, но при условии, что вместо Катьки поет какая-нибудь поп-звезда, но та вряд ли согласится на кабака. В общем, появление у сестрицы шикарной квартиры осталось для меня загадкой. Ладно, встретимся, и я непременно спрошу...

Потратив на осмотр квартиры минут сорок, я вспомнила, что входная дверь до сих пор открыта, а ключи торчат в замке. Я кубарем скатилась в холл, злясь на себя и мысленно обзывая себя растяпой. Что, если ключей в замке не окажется? Буду сидеть до возвращения Катьки в ее квартире и добро сторожить, вот уж сестрица скажет мне «спасибо»... Я распахнула дверь и с сильно бьющимся

сердцем выглянула: ключи торчали в замке.

– Слава богу, – пробормотала, я и только хотела захлопнуть дверь, как вдруг мое внимание привлекла машина. Стояла она возле тротуара чуть в стороне от Катькиных окон. Прямо напротив дома был парк с высоченными липами, а ближе к тротуару кусты сирени, опоясывающие парк по периметру. Так вот, синий «Опель» кой-то черт взгромоздился на тротуар, хотя дорога была совершенно свободна, и притулился за кустами. «Жулик, – испуганно решила я и торопливо захлопнула дверь. – Квартиры побогаче высматривает». Стрелой поднявшись в гостиную, я подкралась к окну, выходящему в парк, и осторожно выглянула. «Опеля» и в помине не было. «Куда ж он делся?.. – разволновалась я, распахнула створку окна и высунулась почти наполовину, но проклятущая машина как сквозь землю провалилась. – ...Меня испугался», – подумала я и почему-то испугалась сама.

Решив вернуть себе хорошее настроение, я отправилась на кухню. Выяснилось, что Катька жила по-спартански: холодильник пустой, а из продуктов во многочисленных шкафах роскошной гарнитура только соль, сахар и банка кофе.

– Что ж, выпьем кофе, – философски рассудила я, включила электрический чайник и направилась в ванную. Ванная произвела на меня неизгладимое впечатление: огромная, круглая, с гидромассажем, слева душевая кабина, на полу ковер, белый, голубыми цветами. Я взвизгнула, бог знает чему радуясь, и открыла кран с горячей водой, вернулась в кухню, заварила кофе, прихватила фотографии из сумки и со всем этим добром переместилась в ванную. Следующие двадцать минут были самыми счастливыми в моей жизни. Я прихлебывала кофе, лежа в мыльной пене, рассматривала фотографии, бормоча имена и фамилии Катькиных знакомых, и без причины то и дело улыбалась. Даже Париж на миг показался не таким уж заманчивым, у нас тоже неплохо, если...

В этот момент зазвонил телефон. Звонка я ни от кого не ждала и в первое мгновение испугалась, но тут же подумала: если у Катьки есть телефон, отчего б ему не звонить? У нее полно знакомых, а вот мне с ними разговаривать ни к чему, но тут же другая мысль пришла в голову: а вдруг это Катька? Я вскочила и бросилась на кухню, обмотавшись полотенцем, в спешке поскользнулась на мокрой плитке и грохнулась на пол, встала и с трудом доковыляла до телефона, сняла трубку и услышала короткие гудки. Мне стало так обидно, что я едва не захныкала, почесала ушибленное место и только сделала два шага в сторону

ванной, как телефон зазвонил вновь.

Я подскочила к нему и сняла трубку. Гнусавый мужской голос заявил:

– Жду не дождусь, радость моя, когда смогу расцеловать все пальчики на твоих ножках. – Я громко икнула, а голос на том конце провода продолжил: – Хочешь, заеду прямо сейчас?

– Вы не туда попали, – пискнула я и хотела бросить трубку, но гнусавый торопливо спросил:

– Кто это? Где Катрин?

Чтобы выиграть время, я тоже спросила:

– А кто ее спрашивает?

– Даниил Игнатьевич.

Ни про какого Данилу Игнатьевича я не слышала, Катька мне о нем не говорила, голос противный, и что я буду с ним делать, если он в самом деле припрется?

– Катерины нет, – вздохнула я.

– А где она? – «О господи, вот привязался».

– В парикмахерской, – ответила я первое, что пришло в голову.

– А вы кто?

– Я? Я соседка. – Тут я огляделась и сообразила, что в таких домах вряд ли соседи запросто заходят друг к другу, и торопливо добавила: – Живу в соседнем доме... Я Катерине Юрьевне по хозяйству иногда помогаю.

– Понятно. А Катрин мне ничего передать не просила?

- Нет, - ответила я.

- Но к отъезду она готовится?

Господи, да это никак сестрицын приятель, с которым она собралась на Канары. По голосу ему лет сто, на голубую мечту совершенно не похож. Впрочем, это не мое дело, лишь бы Катьке нравился. Что ж ему сказать-то?

- Собирается, - вздохнула я. - Чемодан уже приговорила.

- Значит, ничего не изменилось, я жду ее на даче, как договаривались, около десяти.

Он повесил трубку, а я плюхнулась в кресло, чувствуя, как пот градом стекает с моего лба. Какая к черту дача? А может, они договорились там встретиться, ну, вроде бы как на конспиративной квартире, а уж потом поедут на Канары. Но ведь Катька собиралась ехать от меня? А если я все перепутала и тип с гнусавым голосом вовсе не Катькина голубая мечта? Ну, надо же... миссия, которая до этого мгновения казалась забавной и легко выполнимой, вдруг стала обрастать непредвиденными трудностями. Я с этим типом только по телефону разговаривала, и то едва не умерла от беспокойства, а что же будет в ночном клубе?

Я перевела взгляд на часы, сердце мое сжалось, а я поняла, если не хочу опоздать к указанному Катькой времени, надо торопиться.

- О черт, - взвыла я и кинулась в ванную, затем в спальню, распахнула дверь шкафа и замерла с открытым ртом. Чего здесь только не было... Такие наряды я разве что в кино видела. Плохое настроение с меня как ветром сдуло.

Я достала черный костюм, облачилась в него, расчесалась, подумала и надела очки от солнца. Очень трудно заподозрить во мне подделку, остается лишь голос, но, в конце концов, мне необязательно там с кем-то разговаривать.

Через полчаса, заскочив в магазин и вернувшись с покупками, я вторично покинула квартиру и нерешительно огляделась. В то, что Катька добирается на работу пешком, верилось с трудом. В гараже стояли «Жигули» девятой модели,

но мне от этого не легче, раз я ни разу не садилась за руль.

Я подумала, что надо бы вызвать по телефону такси, и совсем было собралась вернуться в квартиру, но тут из-за угла вывернула машина, проехала мимо, затем остановилась, сдала назад, дверь распахнулась, и парень с бородкой, радостно улыбаясь мне, спросил:

- Ты куда?

- Э-э... - начала я, а он мотнул головой и продолжил:

- Если в кабак, садись, подвезу, мне в ту сторону.

- Спасибо, - проблеяла я, садясь рядом с парнем и пытаюсь решить, знакомы мы с ним, то есть они с Катькой? На фотографиях его точно не было. Он посмотрел на меня, подмигнул и предложил сигарету. Я не курила и лишь покачала головой, а он поинтересовался:

- Как жизнь? Давно тебя не видел.

- Нормально, - кашлянув, ответила я, стараясь подражать Катькиной интонации, но хорошо ли выходит, оценить не могла по причине сильного волнения.

- Выглядишь клево, - хмыкнул он. - Как там Мишка? - помолчав немного, вновь спросил парень, а я разозлилась, потому что ни о каком Мишке знать не знала, и рявкнула:

- Отвяжись...

- Да ладно, - пожал он плечами. - Я ведь так спрашиваю... Я в чужие дела не лезу, хотя на Мишкином месте горячку пороть бы не стал.

- Заткнулся бы ты, честное слово, - не выдержала я, а он вдруг начал тормозить, только я решила, что бородатый разозлился и вознамерился выкинуть меня из своей машины, как с правой стороны увидела неоновую надпись «Ночной клуб «Лейла». Как раз в этом заведении пела моя сестрица, и я, буркнув «спасибо», поспешно вышла.

Хоть Катька и называла заведение кабаком, а вслед за ней и ее приятель, чье имя осталось для меня неизвестным, но, по крайней мере, снаружи клуб выглядел респектабельно. Старинное двухэтажное здание в центре города, крыльцо с большим козырьком доходило прямо до проезжей части, так что, выйдя из машины, сразу оказываешься под крышей. Чуть дальше охраняемая стоянка, фонари, имитировавшие газовые, весь фасад в огнях, дубовая, наполовину застекленная дверь, а рядом с ней швейцар в ливрее.

- Ничего себе, - пробормотала я с легким намеком на панику, вздохнула и направилась к двери, решив держать себя в руках.

Швейцар при моем приближении взял под козырек и распахнул дверь, на вид ему было лет шестьдесят.

- Добрый вечерочек, Катрин, - сказал он.

- Добрый... - начала я и взвизгнула от неожиданности: старый хрыч больно ущипнул меня. Только я собралась заехать ему сумкой по носу, как прямо перед собой увидела Юрия Павловича, высокого, лысого, с невероятно оттопыренными ушами, хозяина данного заведения.

- О, Катерина, - сказал он, увлекая меня в холл. - Очень кстати. Зинка на работу не вышла, придется тебе.

- Я не могу, - прохрипела я, ткнув указательным пальцем в свое горло. - Охрипла.

- Вот черт... Что ж вы меня без ножа режете?

- Между прочим, я в отпуске, - напомнила я.

- Какой к черту отпуск? - рявкнул он. - Говорю, Зинка не вышла, вы что хотите... - Тут дверь за моей спиной хлопнула, и в холл, точно ураган, влетела девица с огненно-рыжими волосами, в каком-то совершенно невероятном платье салатного цвета. - Где тебя черти носят? - напустился Юрий Павлович на вновь прибывшую.

– Юрик, все будет, – пьяно ухмыляясь, заявила Рыжая. – Двадцать минут, и я в полном порядке.

Девушка исчезла в боковом коридоре, а Юрий Павлович длинно выругался ей вслед, взглянул на меня и махнул рукой, а я пробормотала:

– Я-то здесь при чем?

Юрий Павлович заспешил по тому же коридору, а я принялась вертеть головой, потому что совершенно не знала, куда идти дальше. На счастье, в холле появилась молодая пара, я ненадолго задержалась возле зеркала, а затем направилась вслед за ними и оказалась в баре. За высокой стойкой работали два бармена, вдоль стен стояли круглые столики с бумажными фонариками, играла тихая музыка. Что ж, по-моему, очень симпатично. Я взгромоздилась на стул возле стойки, подмигнула бармену и лишь после этого сообразила, что на мне защитные очки, чертыхнулась, но снять их не рискнула. Бармен приблизился и спросил с улыбкой:

– Как обычно?

– Да, – кивнула я и принялась осторожно разглядывать публику.

Народ потихоньку прибывал, вскоре свободных столиков уже не осталось. Слева от меня виднелась арка, дальше зал ресторана, рядом со стойкой еще одна арка, на этот раз в игорный зал. Со своего места я видела стол с рулеткой, а возле него внушительное количество граждан. Правда, лишь немногие делали ставки, публика в основном любопытствовала. Тут я вспомнила совет Катьки обязательно сыграть в первый же вечер, сестрица утверждала, что новичкам везет. «А вдруг и вправду повезет?» – подумала я и отправилась за фишками.

– Решила испытать удачу? – улыбнулась мне девушка, звали ее Лена. Увидев знакомое лицо, я так обрадовалась, что тоже разулыбалась, едва справившись с соблазном постоять немного рядом с ней и поболтать.

Получив фишки, я прошла к столу и некоторое время наблюдала за игрой. Ничего мудреного. Упитанный дядька с бабочкой поднял на меня взгляд и спросил:

- Будешь ставить?

Только я собралась ответить, как кто-то толкнул меня под локоть, фишки упали и рассыпались по полу.

- Извините, - услышала я приятный мужской голос, повернулась и в двух шагах от себя увидела молодого мужчину в костюме и голубом свитере. Он торопливо наклонился, собрал фишки и протянул их мне.

- Спасибо, - пролепетала я. Надо сказать, парень произвел на меня впечатление. Высокий, темноволосый, с ярко-синими глазами и едва заметной ямочкой на подбородке. Любое рекламное агентство оторвало бы его с руками с таким-то лицом и фигурой. Держался он с достоинством, одет был со вкусом, и если на свете существовал мужчина моей мечты: так вот он, передо мной. Слабая улыбка тронула его губы.

- Мы, кажется, незнакомы, - сказал он, взял меня за руку и сообщил: - Меня зовут Илья.

- А меня...

- Я знаю. Вы Катрин. Я наблюдал за вами несколько вечеров... если честно, попав в этот клуб случайно, я уже вторую неделю хожу сюда из-за вас.

Хорошее настроение мигом улетучилось. Ну, Катька... впрочем, сестрица теперь далеко, и с этим парнем она даже не знакома.

- Вы шутите? - улыбнулась я.

- Нет. Я серьезно. Вы очень красивая.

- Девушке всегда приятно слышать такие слова, знать бы еще, искренне ли вы это говорите?

- В моей искренности вы можете быть абсолютно уверены.

– Спасибо, – брякнула я, кашлянула и попыталась вспомнить, что собиралась делать минуту назад. Илья вновь пришел мне на помощь.

– Собираетесь поставить? – спросил он, кивнув на фишки.

– Да, думаю проверить удачу.

– Пожалуй, составлю вам компанию.

Мы сделали ставки и в самом деле выиграли. Пока шарик крутился, я стояла замерев, приоткрыв рот, и не сразу сообразила, что намертво вцепилась в руку Ильи. Впрочем, он, как видно, не возражал. Когда возвестили о нашем выигрыше, Илья пожал мне руку и широко улыбнулся.

– Я знал, что с вами мне повезет. Продолжим?

Я пожала плечами, если честно, игра меня не очень привлекала, к деньгам я относилась слишком серьезно, чтобы вот так просто ими рисковать. Удачу я проверила, убедилась, что пословица «новичкам везет» права, и интерес к игре потеряла, но расставаться с Ильей мне не хотелось, а как продолжить беседу, отказавшись играть, я не знала. После недолгого колебания я кивнула.

– Отлично, – улыбнулся он и взял меня за локоть.

Нам фантастически везло. Илья смотрел на меня с нежностью и делал ставки, продолжалось это никак не меньше часа, взгляд его становился все пристальнее, все откровеннее, а я вроде бы покраснела, не то от этого взгляда, не то от волнения. Я повизгивала от восторга, когда мы в очередной раз выигрывали, прижималась к его плечу, в общем, вела себя как последняя дура и не сразу сообразила, что атмосфера в игорном зале изменилась: теперь вокруг нашего стола толпились люди, практически все, кто присутствовал здесь в тот вечер и следил за игрой: любой звук в наступившей тишине казался громоподобным. Я с удивлением огляделась и вдруг услышала:

– Двадцать тысяч.

Илья повернулся ко мне и с этой своей роскошной улыбкой спросил:

- Рискнем?

- Что? - не поняла я.

- Делайте свои ставки, - равнодушно сказал дядька в бабочке, но взгляд его был напряженным. Илья сжал мои пальцы и опять спросил:

- Рискнем? Я уверен, ты принесешь мне удачу.

- А-а... - начала я, теряясь в догадках, что, черт возьми, происходит.

- На все, - кивнул Илья.

- Ставки сделаны.

Шарик покатился, а я перевела очумелый взгляд со стола на лицо Ильи и подергала его за рукав. Он сделал мне знак молчать, публика вокруг затаила дыхание, шарик наконец остановился, и все дружно вздохнули:

- Ах...

Илья победно улыбнулся.

- Отлично.

- Мы выиграли? - немного придя в себя, спросила я.

- Разумеется.

- Много?

- Твой выигрыш двадцать тысяч.

- Это как, новыми? - растерялась я и пунцово покраснела.

– Конечно, – спокойно кивнул Илья. – Думаю, это стоит отметить.

На негнущихся ногах я отправилась вместе с ним в сторону бара, силясь прийти в себя. Мама моя, двадцать тысяч, да мне за них работать надо два года... И вот так запросто, в течение часа выиграть сумасшедшие деньги. Быть такого не может! Илья заказал мартини, поднял свой бокал и провозгласил:

– За удачу. И, конечно, за наше знакомство.

– За удачу, – проямлила я, поглядывая по сторонам. Мне очень хотелось узнать, выдадут ли мне деньги, а если да, то когда именно и что для этого необходимо. Словно отгадав мои мысли, Илья подмигнул мне и спросил:

– Ну что, пойдём за выигрышем?

Я только пожала плечами, потому что от волнения была не в состоянии говорить. Через несколько минут перед моим носом оказалась пачка денег, Илья равнодушно сунул свою часть в карман пиджака, а я дрожащей рукой взяла свою, повертела ее и убрала в сумку, а потом тревожно огляделась: не хватало только, чтобы меня ограбили. Двадцать тысяч – это ж целое состояние.

– Поедем куда-нибудь или поужинаем здесь? – спросил Илья.

– Здесь, – только и смогла ответить я, с трудом разжав челюсть.

Мы отправились в ресторан. Почти все столики были заняты, но нам нашлось место недалеко от небольшой эстрады.

– Мы выиграли сорок тысяч? – не удержалась я.

– Да.

– И вот так запросто их получили.

– Я думаю, Юрий Павлович сейчас неважно себя чувствует. Но такое иногда случается, и он, безусловно, переживет потерю.

– И часто вы так выигрываете?

– Почему бы нам не перейти на «ты»?

Тут я вспомнила, что он в самом деле уже перешел, еще там, возле стола с рулеткой, и кивнула.

– Конечно. И часто ты выигрываешь?

– Нет. Я не игрок по натуре. Просто сегодня, когда мы наконец познакомились, я вдруг понял, что мне повезет, ну и вот что из этого вышло.

Я улыбнулась и почувствовала себя гораздо спокойнее. Конечно, здорово за один вечер выиграть такие деньги, но ведь мы могли и проиграть, и что бы я сейчас делала? От одной этой мысли мне стало не по себе, и я зябко поежилась. Подошел официант и подал мне меню, я заглянула в него и едва не свалилась со стула: выигранных двадцати тысяч надолго не хватит, если питаться здесь...

– Что-нибудь выбрала? – спросил Илья.

– Если честно, я совсем не голодна.

– Здесь отлично готовят форель...

– Да, я знаю... – «Дьявол поberi этот кабак и мою сестрицу в придачу», – подумала я.

– Не возражаешь, если я закажу для тебя форель и еще вот эту закуску? И, конечно, шампанское.

– Не возражаю, – кивнула я, точно зная, что закуска за такие-то деньги встанет комом в моем горле. На мое счастье, как раз в этот момент на эстраде вспыхнули фонарики, освещение в зале слегка притушили, а из-за бархатной портьеры слева появилась девица, та самая Рыжая, что столкнулась в холле с Юрием Павловичем.

– Добрый вечер, господа, – сказала она, послышались негромкие хлопки, девушка улыбнулась и продолжила: – Я очень рада, что вы сегодня с нами. Я благодарю вас за теплый прием... – Пока она говорила, музыканты заняли свои места, Рыжая в крохотном платье с голой спиной откинула назад голову, сцепила руки и запела что-то в высшей степени жалостливое. Не знаю, как пела моя сестра, но эта пела из рук вон плохо. Однако публика то ли привыкла, то ли попросту не обращала на нее внимания. По крайней мере, никто не выразил недоумения.

Нам принесли заказ. Илья некоторое время молчал, глядя на певицу, и заявил:

– Она тебе в подметки не годится. Просто удивительно, что Юрик согласился взять ее... Впрочем, то, что она так бездарна, тебе лишь на пользу, никакого намека на конкуренцию.

– Ты так думаешь? – улыбнулась я.

– Конечно. – Он взял мою руку и поцеловал, а я опять покраснела. «Господи, ну нельзя же быть такой дурой...»

– А можно узнать, чем ты занимаешься? – пытаюсь скрыть замешательство, спросила я. – Разумеется, когда не играешь в рулетку?

– Я? Я совершенно обычный российский бизнесмен. Очень скучный, много времени проводящий в кабинете, погрязший в деловых бумагах и прочей ерунде.

– Ни за что бы не подумала.

– Да? А что ты подумала?

– Не знаю, если честно, – растерялась я, – но очень трудно представить тебя за письменным столом, в скучном кабинете.

– Тем не менее это так. Иногда я позволяю себе немножко расслабиться, но тридцать дней в месяце я здравомыслящий дядя, без малейшей склонности к авантюрам. Ужасно, правда?

- Почему же... В каждой работе есть свои плюсы и минусы.

- Да-да, конечно. А тебе нравится твоя работа?

Я едва сдержалась, чтобы не брякнуть: «Платят мало», вовремя сообразив, что Илья имеет в виду вовсе не работу учительницы, неожиданно разозлилась, потому и ответила:

- Не очень. Честно говоря, я мечтаю выйти замуж за бизнесмена и бросить этот дурацкий кабак к чертям собачьим. - Я широко улыбнулась, ожидая реакции Ильи. Реакция не замедлила последовать.

- Ты прелесть, - заявил он и вновь поцеловал мне руку. Не знаю, что такого прелестного он обнаружил в моем ответе. Пока я размышляла над этим, возле нашего стола появился Юрий Павлович. Лысина его блестела от пота, он то и дело вытирал ее платком, глазки бегали, хищно посверкивая, а на губах играла довольно противная ухмылка.

- Как тебе Зинка? - пропел он, кивнув на Рыжую.

- Я только что сказал Катрин, что она ей в подметки не годится, - вмешался в разговор Илья.

- Я тоже так думаю. Ни кожи, ни рожи... - Говоря это, Юрий Павлович сунул руку под скатерть и ухватил меня за коленку, а я легонько заехала ему локтем в бок. Конечно, он хозяин этого притона, но я-то к нему никакого отношения не имею и всякие гнусности терпеть не собираюсь, а если подпорчу Катьке карьеру, так виновата в этом только она, нечего было затевать это дурацкое переодевание.

Юрий Павлович слабо охнул и заметно скривился, а я улыбнулась и сказала:

- Извините, я такая неловкая.

- Ничего, ничего, - прошипел он. Илья изо всех сил старался не смеяться и на всякий случай отвернулся к эстраде. - А я ведь, собственно, к вам, Илья Петрович, - ласково заговорил Юрий Павлович, как только смог отдышаться. - Нельзя ли вас отвлечь минут на пять, пройдемте в мой кабинет, буквально на

три слова...

– А эти три слова вы здесь сказать не можете? – удивился Илья.

– Я-то могу. – Голос хозяина стал слаще меда. – Да боюсь, вам это не понравится. Так что будьте так любезны... – Юрий Павлович стукнул себя ладонью по лбу, точно неожиданно что-то вспомнил, и, наклонясь ко мне, пропел: – Поздравляю с выигрышем, Катрин. Такая удача, такая удача...

Илья поднялся из-за стола, насмешливо улыбаясь, но во взгляде его мелькнуло что-то похожее на беспокойство. Они скрылись за одной из портьер, а я попробовала сосредоточиться на репертуаре Рыжей. Теперь она исполняла романс, сцепив руки над головой и вращая тазом немного не в такт музыке. Издалека это можно принять за танец живота, но музыкальное сопровождение немного смущало. Я нахмурилась, наблюдая все это, и некоторое время сидела озадаченная, после чего торопливо съела форель. Илья все еще не возвращался. Правда, прошло совсем немного времени, а я, оглядев зал, подумала, что не худо бы посетить дамскую комнату.

С этой целью я поднялась из-за стола и попыталась ее обнаружить. Делом это оказалось нелегким, я немного поплутала в коридорах – никакого намека на туалет. Спрашивать кого-либо я поостереглась: раз уж предполагалось, что я здесь работаю, то такие вещи должна знать.

Я добралась до лестницы и не спеша, точно прогуливаясь, поднялась на второй этаж. Здесь тоже были коридоры и несколько дверей, на одной из них имелась вожделенная табличка, и я ходко устремилась туда, но где-то на середине пути притормозила, а затем и вовсе замерла: из-за ближайшей ко мне двери раздавались голоса, один, вне всякого сомнения, принадлежал хозяину клуба, а другой Илье.

– Я не собираюсь больше ждать, – визгливо выговаривал Юрий Павлович. – Вместо благодарности за мое терпение...

– О чем это ты? – удивился Илья. – Не можешь пережить потерю сорока тысяч? Брось, Юрик, ты на мне заработал гораздо больше.

– Это мои деньги... черт... что ты из себя строишь? Слышал поговорку: «На каждого мудреца довольно простоты»? Ты сколько угодно можешь пудрить мозги своей жене, может, ей это нравится, а может, она в самом деле такая дура, но меня тебе не облапошить...

Меня точно обдало холодным душем, выходит, Илья женат, а я-то обрадовалась... В этот момент дверь с шумом распахнулась, а я кубарем скатилась с лестницы, забыв про туалет, и внизу почти нос к носу столкнулась с Рыжей.

– Чего вытаращилась? – ядовито спросила она.

– Да пошла ты... – рявкнула я, влетела в зал, плюхнулась на свое место и залпом выпила бокал шампанского. Через пять минут появился Илья, улыбался он очень мило, и чувствовалось, что жизнь его устраивает, вот и верь людям после этого. – Что понадобилось от тебя этому старому козлу? – спросила я, пылая жаждой мести за утраченные иллюзии.

– А... совершенно глупый разговор. Кое-какие общие дела, спорные вопросы, в бизнесе это часто бывает.

– У вас общий бизнес? – решила я не сдаваться.

– Я ведь сказал: кое-какие дела. Забудем об этом. – Илья все еще улыбался, но теперь смотрел на меня настороженно, точно пытался отгадать, что происходит в моей черепной коробке. В ней много чего происходило, но все происходящее можно было легко свести к одной мысли: «Все мужики свиньи. А вот такие, как этот Илья, в особенности». Я налила еще бокал шампанского и выпила, глядя на своего спутника без малейшего удовольствия. – Что-нибудь случилось? – поднял он брови.

– Нет. Просто не люблю, когда меня оставляют одну.

– Прости, но это не моя вина... – Он продолжил распинаться в том же духе, а я сидела, чуть не плача. Во-первых, ужасно хотелось в туалет, во-вторых, так и подмывало сказать ему, что он сукин сын и притворщик. А я еще десять минут назад мечтала о том, что это случайное знакомство перерастет в нечто большее... И вот тебе, пожалуйста. Не знаю, как долго я бы еще сидела, злясь на

весь свет и страдая, но тут обратила внимание на то, что время от времени кто-то из граждан, сидящих в зале, удалялся за ширму слева от входа, и я сообразила, что там находится туалет, обрадовалась, резво поднялась, сказала «извини» и потрусила в том направлении.

Выйдя из кабинки, я вымыла руки, а затем уставилась на себя в зеркало. В солнцезащитных очках я в настоящий момент выглядела нелепо и так прямо себе об этом и сказала, но снимать их все-таки поостереглась, покачала головой, вздохнула и уже собралась покинуть комнату, как дверь распахнулась, явив моим очам Юрия Павловича. Он плотоядно усмехнулся, протиснулся в умывальную, запер дверь на задвижку и шагнул ко мне.

– Солнышко мое... – Я еще не успела сообразить, в чем дело, а он уже втиснул меня в узкое пространство между раковинами, сунул одну руку мне под пиджак, а второй обнял за плечи. – Радость моя, как я соскучился...

На мгновение я лишилась дара речи, затем решительно сбросила его руки и рявкнула:

– Ты что, очумел?

– Ах, мы сегодня не в духе... скажите, пожалуйста... фу-ты, ну-ты... – Он попытался устроить свои руки на моей груди, а я, схватив с пола ведро для использованных полотенец, сказала сурово:

– Вот сейчас как врежу...

Юрий Павлович попятился и спросил обиженно:

– Ты чего?

– Еще раз подойдешь ко мне... в туалете... я тебя изувечу.

Швырнув ведро и одернув пиджак, я поспешно покинула комнату, стуча зубами от страха и возмущения.

– Прямо сумасшедший дом какой-то... ну, сестрица...

Илья ждал меня за столом, я стремительно подошла, на ходу подзывая официанта:

- Еще шампанского.

- Я вижу, ты решила отметить выигрыш по полной программе, - с легким намеком на беспокойство заметил Илья.

- Точно. Ты можешь мне составить компанию, если захочешь. - «А если нет, - чуть не добавила я, - убирайся к своей жене».

- С удовольствием, - улыбнулся он.

Вторая бутылка опустела довольно быстро, я сидела, поглядывая из-под очков и пытаюсь сосредоточиться на происходящем. Пить шампанское бутылками мне до той поры еще не приходилось, и я даже не подозревала, что оно может произвести такой эффект. Скорее всего я бы просто уснула на стуле или на худой конец скатилась под стол, но тут нелегкая принесла к нашему столику рыжую певичку.

- Как тебе мое пение? - спросила она меня, при этом глядя на Илью и зазывно улыбаясь.

- Это не пение, - ответила я. - Это кошачий визг в начале марта.

- Скажите на милость, - вспыхнула девица. - Тоже мне, Тина Тернер. Да у тебя и голоса-то сроду не было, и здесь ты задницей крутишь только благодаря...

- Голос у меня есть, - перебила я. - Еще какой. Я могла бы поступить в консерваторию, мои учителя как раз это и советовали.

- Учителя... А гувернантки у тебя случайно не было?

- Гувернантки? - Я попыталась вспомнить, отчетливо икнула и сказала правду: - Нет, гувернантки не было. Но петь я умею в отличие от тебя, и вообще: иди отсюда.

– Сама иди... петь она умеет, чего ж тогда не поешь?

– Хорошо, – пожала я плечами, с трудом соображая, что делаю. – Сейчас спою. – Поднялась из-за стола и, нетвердо ступая, направилась к эстраде.

На переговоры с музыкантами ушло минут пять, что я им говорила, помню смутно, в себя я пришла, лишь когда заиграла музыка, и тут до меня дошло, что я стою на эстраде, вокруг сидят люди и все, между прочим, смотрят на меня. Совсем рядом Рыжая, которая все это затеяла, и лысый Юрик, мой злейший враг на сегодняшний день. «Чтоб им всем провалиться, – с отчаянием подумала я. – Сестрице в первую очередь». И запела. На французском, любимую песню из репертуара Патрисии Каас, все время ожидая, что вот-вот хлопнусь в обморок. Но я умудрилась не только не упасть, но даже допеть до конца.

– Все, – сказала я и удостоилась бурных аплодисментов. Рыжая стояла, открыв рот, а Юрий Павлович, взгромоздившись на сцену, сказал с обидой:

– Что ж ты раньше-то дурака валяла?

– Скромность украшает, – ответила я и поспешила покинуть эстраду. Со всех сторон мне улыбались и аплодировали, и лишь один Илья пребывал в задумчивости.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он тихо.

– Не очень. Как я пела, очень паршиво?

– Отлично. Слишком жирно для этого притона. Хочешь отвезу тебя домой?

– Хочу, – благодарно кивнула я, сообразив, что еще минут десять, и я точно окажусь под столом.

Он помог мне подняться и повел к выходу, держа за локоть. Мы выбрались на улицу, я припала к столбу, поддерживающему металлический козырек крыльца, а Илья сказал:

– Подожди минуту, я подгоню машину.

«Господи, надо же так напиться, – сокрушалась я. – И что за черт меня погнал на эстраду. Катька меня убьет... я идиотка, к тому же пьяная, следовательно, идиотка вдвойне». Хлопнула дверь машины, я приоткрыла один глаз и вновь увидела Илью.

– Идем, – сказал он ласково, я припала к его плечу, на мгновение забыв, что он свинья и обманщик, затем вспомнила и всплакнула по этому поводу.

Вторично я пришла в себя уже возле своего дома, то есть возле Катькиного, конечно.

– Спасибо, – кивнула я, пытаюсь справиться с икотой. Илья вышел вместе со мной, помог отыскать ключи в сумке, открыл замок и подхватил меня на руки. – Э-э, – заволновалась я.

– Не дури, – сказал он исключительно нежно. Его голос напоминал журчание ручья (а может, это шампанское во мне урчало). – Ты даже не сможешь запереть дверь самостоятельно.

– Смогу, – попробовала возразить я, но как-то неуверенно. Он запер дверь и поднялся в спальню со мной на руках, ни разу не споткнувшись и даже не запыхавшись. Впрочем, своим наблюдениям я не особо доверяла. Как только моя голова коснулась подушки, я вздохнула с облегчением и мгновенно уснула.

Пробуждение было не из приятных, я сразу же вспомнила свою маму, которая любила приговаривать: «Хорошо застолье, да тяжело похмелье». С трудом разлепив глаза, я слабо охнула и попыталась сообразить, где я. Воспоминания разом навалились на меня, и я застонала громче, затем повернула голову и едва не упала в обморок, то есть я бы, конечно, упала, если бы к этому моменту уже не лежала на постели по соседству с Ильей. Он крепко спал и даже похрапывал. С сильно бьющимся сердцем я приподняла одеяло, взглянула на него, на себя и едва не заорала в голос. Оба мы пребывали в костюмах далеких прародителей, то есть вовсе без оных. Даже фиговые листочки отсутствовали.

– Боже мой, – пролепетала я, прижав ладони к вискам, затем поднялась и, пошатываясь, устремилась в ванную, защелкнула замок и принялась

сокрушаться. – Как я могла, господи, – повизгивала я, нарезая круги по пушистому ковру. – С совершенно незнакомым мужчиной, к тому же женатым... это просто отвратительно... не зря меня Катька предупреждала, и вот, пожалуйста. Надо же так напиться... Неужели это наследственное? Наш дед уходил в запой как минимум дней на десять... Может, я тоже алкоголик? А главное, ничего не помню, ну, ничегошеньки, хоть убей... какой стыд...

Вволю набегавшись, я в Катькином халате осторожно вышла из ванной. Кровать была пуста и даже аккуратно прикрыта розовым покрывалом. Может, господь услышал мои молитвы и все как-то прекратил?

Я закусила нижнюю губу, одновременно пытаюсь отдышаться, и вдруг услышала снизу:

– Катрин, спускайся, кофе готов.

«Сматываться надо, – в панике подумала я. – К себе в Кострому, и пусть здесь Катька сама как хочет выкручивается».

– Катрин, ты меня слышишь?

– Слышу, слышу, – пробормотала я, кинулась к зеркалу, торопливо расчесалась, затем так же торопливо перекрестилась и спустилась в кухню.

За огромным столом сидел Илья с чашкой кофе в руке и ласково мне улыбался. Слава богу, у него хватило ума одеться.

– Утром ты выглядишь еще прекраснее, – заявил он, а я вспомнила про очки, чертыхнулась мысленно и выжала из себя улыбку.

– Спасибо.

– Нет, в самом деле, – не унимался Илья. – Без грима ты лет на семь моложе. Сейчас тебе не дашь больше семнадцати.

– К сожалению, я немного постарше, – хмыкнула я и смутилась. «Почему бы этому типу не свалить отсюда поскорее?»

- Что-нибудь не так? – помолчав немного и приглядываясь ко мне, спросил Илья.

- Что? А... нет. Все нормально. – Я прихлебнула кофе, подавилась и закашлялась, а потом еще и чашку уронила. На Катькином дорогушем халате расплозлось пятно... В общем, дура я по полной программе.

Илья встал, подал мне полотенце, я вытерла им лицо, а он все еще нависал надо мной, внимательно разглядывая мою несчастную физиономию, потом поцеловал, осторожно и очень нежно.

- Правда, все нормально, – торопливо заверила его я. Он отличный парень, и виновата во всем я, с наследственным алкоголизмом в семье не хлещут шампанское бутылками.

- Между нами ничего не было, – вдруг заявил он. – Если тебя это утешит.

- Правда? – ахнула я и покраснела. «Как есть дура!»

- Правда, – усмехнулся он. – Ты сразу же уснула, и мне ничего не оставалось делать, как тоже завалиться спать. Сплю я обычно нагишом. Решил, что и тебе в костюме спать неудобно, но ничего похожего на ночную рубашку не обнаружил. Вот и все. И не думай, пожалуйста, что иметь дело с пьяной леди для меня мечта всей жизни.

- Я не думаю, – заверила я с готовностью и неизвестно почему тут же добавила: – Спасибо.

- Пожалуйста, – усмехнулся он.

Если честно, у меня с души точно камень свалился.

- Кофе остыл, – сказала я. – Хочешь, приготовлю завтрак? Блинчики с медом. Хочешь?

- Нет, – покачал головой Илья, глядя на меня как-то чересчур пристально.

«Очки, – подумала я с досадой. – Надо было их сразу надеть. Соврать что-нибудь про глазную болезнь, неприятие яркого света». Недавно шел дождь, и сейчас все еще моросило, на кухне горел свет, несмотря на позднее утро.

Пока я сидела на стуле, размышляя, что бы еще такого сказать Илье, а главное, как бы вежливо от него отделаться, он шагнул ко мне, взял за руку, довольно грубо поднял и поцеловал, но на этот раз совсем не так, как несколько минут назад.

– Пойдем наверх, – сказал он.

– Я-я-я... – с трудом освободившись, начала я. – Видишь ли... Я ужасно себя чувствую и вообще... по-моему, ты женат.

– Да? – Он вроде бы удивился, подумал немного и кивнул: – В самом деле. Кажется, я совершенно забыл об этом.

– Вот-вот, – перевела я дух. – Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Наверное, твоя жена ломает голову, куда ты запропастился.

– Вряд ли.

– Как ты можешь быть уверен в этом?

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Видишь ли... – начала я, он кивнул и направился к двери.

– Хорошо. Я не имею привычки навязываться. Хотя ты меня, признаться, удивила. Я считал тебя человеком, которому совершенно наплевать на условности.

– Я мечтаю выйти замуж, – честно сказала я. – А моя мама всегда говорила, что, если девушка себя не сдерживает, это может плохо кончиться.

– Твоя мама – умная женщина, – хмыкнул Илья, надел пиджак, достал из кармана бумажник и положил визитку на тумбочку. – Если ты решишь, что слушать маму не всегда полезно, позвони.

Он сунул ноги в ботинки, а я вдруг заметила, что они сырые. Значит, дождь еще с вечера начался? Не помню никакого дождя. А что я вообще помню?

- Не хочешь поцеловать меня на прощание? - усмехнулся он.

- Лучше не надо, - вздохнула я.

- Конечно. Мама наверняка говорила, что поцелуи добром не кончаются.

- Да, что-то в этом роде.

- Что ж, надеюсь, ты все-таки позвонишь.

Я проводила его до входной двери, заперла ее и с облегчением вздохнула, потом бегом поднялась на второй этаж и припала к окну. Илья как раз подходил к своей машине. Боже, какой красавец. А я какая дура.

Я приуныла, наблюдая за тем, как машина развернулась, а затем и вовсе скрылась за углом, а вместе с ней скрылась и моя девичья мечта.

- Не повезло, - через пять минут констатировала я и, вместо того чтобы возблагодарить бога за то, что все так благополучно закончилось, вновь принялась мечтать: вот если бы Илья не был женат и если бы я сразу сказала ему, что никакая я не Катька, что на самом деле... на самом деле я училка французского с копеечной зарплатой, которая штопает свои колготки и разбавляет лак для ногтей ацетоном, чтоб надолго хватило... и на кой черт это сокровище такому парню? - Ну и ладно, - вздохнула я и вроде бы даже прослезилась, то есть совсем уж было собралась зареветь по-настоящему, но тут зазвонил телефон. Я испуганно замерла, соображая, снимать трубку или делать вид, что я глухая. Телефон звонил все настойчивее, а я поняла, что трубку снять все-таки придется, схватила и пискнула: - Алло?

- Ольга? - услышала я голос сестрицы. - Спишь, что ли?

- Нет, - невероятно обрадовалась я, - уже встала. А ты откуда звонишь? Ты уже на Канарах?

– Накрылись Канары. Я со своим разругалась. В общем, пусть двигает к своей мымре, а я найду что-нибудь получше. Но ты не переживай, в Париж все равно поедешь.

– Какой к черту Париж, я тут...

– Помолчи и слушай, что сестра скажет. Завтра утром возьмешь такси и приедешь в Мотино, это пригород, километров пятнадцать... В одиннадцать я буду ждать тебя возле универмага, он в Мотине один, так что не спутаешь. Отвезу тебя в соседний райцентр и посажу на автобус. Считай, задание ты выполнила.

– Слушай, а почему бы тебе сюда не приехать?

– По кочану. Ты поняла, что я сказала? И давай без самодеятельности. Что это ты вчера за концерт устроила?

– Ты знаешь?

– Знаю. А тот красавец-мужчина, которого ты подцепила, давно ушел?

– У нас ничего не было, – торопливо заявила я.

– Разумеется. Короче, до завтра сиди дома, не то я чувствую, ты таких дел наворотишь...

– Хорошо... Катька, я не знаю, как это получилось. Честно.

– Ладно, не бери в голову. Все нормально. Завтра в одиннадцать возле универмага. Начинай мечтать о Париже.

Я повесила трубку и с облегчением вздохнула. Слава богу, вроде бы все кончилось. Сегодня сижу безвылазно в квартире, а завтра домой. Приключения, пожалуй, не для меня.

Я приготовила себе завтрак, съела его без всякого аппетита, а потом уставилась в окно. Дождь кончился, выглянуло солнце. Целый день в квартире без всякого

дела – это тяжелое испытание. У Катки в доме ни одной книжки, а сериалы я не люблю. Ничего такого не случится, если я прогуляюсь по городу. Глупо было тащиться за триста километров и даже не взглянуть на местные достопримечательности.

Через пять минут я убедила себя, что просто обязана это сделать. Переоделась, подкрасилась, нацепила очки и уже подошла к входной двери. И тут произошло нечто совершенно неожиданное. Дверь вдруг распахнулась, на пороге возник здоровенный детина, а в следующее мгновение я уже летела по коридору от мощного удара кулаком в челюсть и приземлилась на ковер в весьма неприличной позе, успев лишь слабо охнуть и подумать: Катку хотят ограбить.

О налетах на квартиры я читала, но никогда не думала оказаться в такой ситуации, ведь в моих-то хоромах взять совершенно нечего, и вот, пожалуйста... Я посоветовала себе быстренько собраться и выработать линию поведения, плевать на Каткино добро, лишь бы этот псих оставил меня в живых. Но тип спутал мне все карты, неожиданно заявив, хлопнув дверью:

– А вот и я, дорогая. Не ждала?

– Нет, – честно ответила я, поднимаясь на четвереньки.

– Разумеется. Ты надеялась, что я твоими молитвами буду париться лет пять, как минимум. Не повезло тебе, крошка. Сочувствую, потому как мне и семь месяцев под завязку и у меня к тебе, беби, большие претензии. – С этими словами он дал мне хорошего пинка, я взвыла и попыталась понять, что происходит.

– Вы что, с ума сошли? Вы кто такой вообще?

– О, мы успели перейти на «вы»? Чудненько. Я ваш супруг, дорогая. – Он схватил меня за волосы и опять двинул кулаком, на этот раз слева. – Извини, – сказал он, глумливо ухмыляясь. – Но я мечтал об этой минуте семь месяцев.

Я завизжала и попыталась двинуть ему ногой в известное место, но мерзавец был осторожен и ловко увернулся, зато мое сопротивление буквально взбесило его, впрочем, и до этой минуты ему бы не помешало сделать все необходимые прививки.

– Прекратите меня колотить, – заорала я, прикрыв голову руками. – Вы что, с ума сошли?

Он схватил меня за шиворот и поволок на второй этаж, награждая пинками.

– Шлюха дешевая, потаскуха, я из твоей красивой рожи бифштекс сделаю, – через ступеньку приговаривал он. – Ты у меня всю жизнь на лекарства работать будешь. – Он так увлекся, колошматя меня, что неожиданно споткнулся и рухнул на меня всей своей тушей. Сообразив, что это единственный шанс, я с неизвестно откуда взявшейся силой толкнула его, вскочила и прежде, чем он успел подняться, влетела в гостиную, захлопнула дверь и щелкнула замком. Слава богу, что замок имелся...

Вместо того, чтобы схватить телефон и позвонить в милицию, я открыла ящик, достала Каткин паспорт и заглянула на страничку с надписью «семейное положение». Никакого намека на существование этого придурка в паспорте не было. Между тем он начал ломиться в дверь, посыпались стекла, потому что дверь была наполовину стеклянная, но этому мерзавцу тоже досталось, он порезал руку и пошел искать полотенце, а я схватила телефонную трубку и набрала 02.

– Милиция, – переходя на визг, взмолилась я. – В мою квартиру ворвался какой-то сумасшедший и грозитя меня убить. – Я назвала адрес, тут и псих как раз появился, а я подумала, что до приезда милиции должна его как-то отвлечь, потому что если он меня сейчас уколошит, то зачем мне тогда и милиция. – Послушайте, – как можно спокойнее начала я, встав слева от двери, чтоб своим внешним видом лишний раз не нервировать его. – Вот у меня в руках мой паспорт, и здесь нет ни словечка на тот предмет, что мой муж существует в природе. Посмотрите, пожалуйста. – Я протянула руку, она здорово дрожала, тип за дверью взглянул на паспорт и неожиданно рассвирепел еще больше:

– Вот, стерва, уже и паспорт сменила. Жаль, что не догадалась с квартиры съехать. Между прочим, это моя квартира, мои бабки, и шмотки на тебе тоже мои.

– Не может быть, – растерялась я, глядя на костюм, в который была одета.

– Не придуривайся, куплено на мои деньги. А ты шалава...

- Если я такая скверная, чего ж вы на мне женились?

- Прибалдел от твоих титек и прочих интересных мест. Теперь ты ими долго пользоваться не сможешь. - Он ударил ногой по двери, и она открылась, а я, взвизгнув, показала на телефон и порадовала его:

- Я милицию вызвала. Лучше вам убраться отсюда. - Парень пошел бурыми пятнами, но замер на пороге: встречаться с милицией ему явно не хотелось. - Честное слово, вызвала, - тряся трубкой, подтвердила я, и тут, как по волшебству, появилась и сама милиция: входная дверь, которую мы оставили незапертой в момент жаркой встречи, хлопнула, и зычный мужской голос спросил:

- Хозяева, есть кто живой?

- Есть, - обрадовалась я, а мой несостоявшийся убийца нахмурился и тоже крикнул:

- Есть.

Через минуту я смогла лицезреть милиционеров, которые с топотом поднялись по лестнице. Но повели они себя совсем не так, как я ожидала.

- Здорово, Мишка, - сказал один и поздоровался с моим врагом за руку. - Когда выпустили?

- Сегодня.

- И сразу скандалишь?

- Да ее убить мало.

- Точно, - вздохнул милиционер, - но, если убьешь, тогда тебя обязательно посадят. Сам подумай: стоит твоя жена того, чтобы ты срок мотал?

– Это что ж такое? – наконец-то придя в себя, осведомилась я. – Он меня чуть не убил.

– Что вы говорите? Чуть не считается. Вы, гражданка Шальнова, с мужем скандалите, нас от дел отрываете, вот сейчас мы его в отделение заберем, а вы завтра прибежите и будете слезы лить, чтоб отпустили.

– Еще чего, – удивилась я. – С какой стати мне слезы лить?

– Все так говорят, – флегматично заметил милиционер, а его напарник согласно кивнул.

– Он избил меня, – сказала я с возмущением.

– Да? А по виду не скажешь.

– Да вы что, издеваетесь? – Тут совершенно другая мысль овладела мной, я снова сунулась в паспорт Катьки, решив, что у меня галлюцинации, но там черным по белому было написано: Иванова Екатерина Юрьевна. – Моя фамилия Иванова, – рявкнула я.

– Она паспорт сменила, – пояснил супруг, а я опять рявкнула:

– Ничего я не меняла, я этого типа знать не знаю.

– Вон даже как, – присвистнул милиционер.

– Да вы заберете его или мне опять в милицию звонить? – Все трое переглянулись.

– Вот что, давай малость прогуляйся, – похлопав по плечу гражданина Шальнова, сказал милиционер. – Проветрись, успокой нервишки, потом придешь и спокойно во всем разберешься. Пойдем, пойдем.

Шальнов весьма неохотно последовал за милиционерами, а меня просто столбняк одолел от чужой наглости.

– Сумасшедший дом какой-то, – пробормотала я и хотела кинуться вдогонку и объяснить, что разбираться с ним не собираюсь, так как знать его не знаю, и что вообще я не Катька... Вот тут начинались сложности. Вряд ли сестрица мне за это спасибо скажет. С другой стороны, на Канары она не уехала, значит, маскарад без надобности и... Пока я таким образом размышляла, троица успела покинуть дом. В окно я видела, как они стоят возле милицейского «газика» и мирно беседуют, то и дело кивая на окна квартиры.

Я подмела осколки, вновь выглянула в окно и убедилась, что «газик» уехал, а чокнутый Катькин муж исчез. Надеюсь, навеки. У него есть ключи от квартиры... Что ж делать-то? До одиннадцати утра я могу не дожидаться, а сестрица, вот мерзавка, даже не соизволила сообщить, что вышла замуж.

Вновь зазвонил телефон, и, сняв трубку, я услышала голос Катьки.

– Ольга? Мои планы немного поменялись. Я минут через тридцать подъеду.

– Слава богу. Тут какой-то придурок объявился, утверждает, что он – твой муж. Чуть меня не убил.

– О, черт. Его выпустили?

– Мне-то откуда знать?

– Выходит, все-таки выпустили.

– Из тюрьмы? – подпрыгнула я.

– Надо же, как не вовремя, – пробормотала сестрица.

– Уж что верно, то верно.

– А сейчас он где?

– Не знаю.

- Что, сам ушел? Это на него не похоже.
- Нет, я милицию вызвала.
- С ума сошла... какая милиция?
- Говорю, он на меня набросился. Чуть не убил.
- Ты ему все рассказала?
- О чем?
- Господи, что ж ты дура какая. О нашем плане, естественно.
- Нет, не говорила.
- И не говори. Ни в коем случае. Слушай, сделаем вот как. Собирай свои вещи, бери такси и дуй на площадь Победы, я буду тебя ждать напротив банка. Поняла?
- Конечно.
- И вот еще что. Если Шальнов появится, молчи как рыба, ни слова о нашем плане. И смотри, будь осторожна, чтоб он за тобой не увязался.
- Как это? - с сомнением выглянув в окно, спросила я.
- Очень просто. Нельзя, чтоб он за тобой поехал.
- Что ж мне, опять милицию вызывать?
- С ума сошла? Если он вдруг притащится, запишись в спальней и сиди, нос не высывая, и главное, его не слушай, а когда он уснет, незаметно выберешься из дома.
- А ты все это время будешь ждать меня возле банка?

– Не буду. Возле банка я жду тебя через полчаса. Если ты не появишься, значит, этот гад вернулся, следовательно, встречаемся как договаривались раньше, завтра в одиннадцать в Мотине. Все поняла?

– Катька, я совершенно не желаю...

– Пока, – перебила она меня и повесила трубку.

Я заметалась по ее дурацкой квартире, собрала вещи (слава богу их у меня было немного) и стрелой вылетела из дома. И тут выяснилось, что у меня нет ключей. Я глухо простонала, а потом, подбадривая себя различными средствами (словами, пением и легким свистом), вновь обшарила квартиру в поисках ключей. Но они как сквозь землю провалились, хотя я хорошо помнила, что положила их на тумбочку. Вторичные поиски результатов не принесли. Я взглянула на часы, плюхнулась на стул в кухне и заревела. К Катьке я уже опоздала, не могу же я оставить квартиру незапертой. Что ж мне теперь делать?

Я перевела взгляд на телефон, неужто у сестрицы ума не хватит позвонить еще?

– Ну, давай, позвони, – бормотала я, размазывая слезы.

– Какая трогательная сцена, – раздался насмешливый голос за моей спиной, я подпрыгнула, обернулась и увидела Шальнова.

– О господи, – ахнула я, прижав руку к сердцу, но тут же нахмурилась и спросила: – Ты взял ключи?

– Это мои ключи и моя квартира.

– Вот и отлично. Оставайся, а я уйду. «На худой конец переночую на вокзале».

– Да неужто? – скривился он. – Нет, радость моя, у меня накопились кое-какие вопросы, и ты мне на них ответишь, а если не ответишь... – Он подскочил ко мне, а я завизжала, потом огрела его чайником, он охнул и отступил.

Воспользовавшись этим, я рванула к двери, но этот гад бросился за мной и ухватил за плечо, в результате рукав блузки остался у него, а я опять завизжала. Все, нет больше моего терпения, пусть Катька со своими мужиками

сама разбирается, один норовит трахнуть прямо в туалете, другой колотит... В сердцах я заехала ему в ухо и заорала:

- Что ты ко мне прицепился, придурок. Я знать тебя не знаю. Разуй глаза, какая я тебе жена, я Катькина сестра.

Глаза он «разул», выпрямился с довольно глупым видом и заявил:

- Черт...

- Вот именно. Навязался на мою голову. Я даже не знала, что она замуж вышла.

- Сестра? - нахмурился Шальнов и вновь повторил: - Черт... Надо же, как похожи. А ведь в самом деле... как же я...

- В самом деле, - передразнила я. - Слова сказать не дал. Я думала - грабитель. И почему сразу драться? Что, нельзя поговорить по-людски?

- С твоей сестрой? - удивился он. - Нет, конечно. Слушай, ты это... как тебя там... извини, в общем. Даже не знаю, как вышло. Теперь-то и сам вижу. Это я в сердцах, знаешь, не разглядел. Тебя как звать-то?

- Оля.

- Ага. А меня Михаил. Будем знакомы. - Он кашлянул и протянул мне руку, я фыркнула и отвернулась, он сразу же сунул руку в карман и сокрушенно вздохнул: - Значит, ты в гости...

- В гости... с ума тут сойдешь с вами...

- Может, чаю выпьешь? А пожрать есть чего? Если честно, у меня кишки сводит.

Я только вздохнула. Мало того, что родственник мне синяков наставил, он еще и есть просит.

- Блины есть, с медом. Могу яичницу поджарить, - пожала я плечами.

– Давай, – согласился он, устроился за столом и стал пялить глаза на меня. – А вы здорово похожи. Вот уж не думал, просто удивительно.

– Чего ж удивляться, раз мы сестры?

– Ну... Катька говорила, что ты зануда, училка в школе и вроде бы даже уродина.

– Ну, сестрица, спасибо, – прошипела я.

– Все, мол, книжки читаешь, и у тебя от лишней грамотности крыша едет.

– Хорошо хоть с вашей крышей полный порядок. Образцовая семья и все такое...

– Тебе наших дел не понять, – нахмурился он.

– Куда там. Является муж неизвестно откуда и сразу с кулаками.

– Ладно, разберемся. Хотя, если честно, сестра у тебя редкая стерва, не в обиду тебе будет сказано. Где она, кстати?

– Не знаю. Звонила час назад... Как узнала, что ты вернулся, решила домой не спешить. А я собралась уезжать.

– Ага. Ничего, появится. А тебе куда торопиться, погости.

– Спасибо, – задыхаясь от счастья, сказала я.

– Нет, в самом деле. Честно говоря, у меня на душе кошки скребут оттого, что все так вышло. Я вообще-то кулаками махать не любитель, в смысле, баб колотить, но твоя сестрица, чтоб ей... ладно, извини.

– А что у вас произошло? – поинтересовалась я.

– Ну... – Он скроил забавную физиономию и уставился в потолок, посидел так с минуту и продолжил: – Не сошлись во мнениях по ряду вопросов...

- Видно, здорово не сошлись, раз ты кулаками машешь, - съязвила я.

- Бывает и хуже.

Я поставила перед ним тарелку с яичницей и блинами, сделала бутерброды, заварила кофе и устроилась напротив за огромным столом.

- Если уж мы познакомимся, - сказала я миролюбиво, - давай рассказывай, как ваши дела, и все такое...

- Так ты ж видела? - удивился он. - А все такое... нормально, одним словом.

- Тогда о себе расскажи. Чем занимаешься, к примеру? - Я машинально оглядела кухню, решив про себя, что Мишка должен заниматься чем-нибудь существенным, раз умудрился приобрести такую квартиру.

- Да это не интересно, - отмахнулся он.

- Интересно, - нахмурилась я, пресекая попытки уйти от разговора. Если уж на мою долю выпали тяжкие испытания, я взамен имею право удовлетворить свое любопытство. - Ты мне родственник и...

- Сказать по чести, - скривился Мишка, - уже нет. Пока я в тюрьме парился, сестрица твоя развелась со мной.

- А за что парился-то? - нахмурилась я. - Ограбил кого?

- Почему сразу ограбил? - возмутился Мишка. - С чего это мне кого-то грабить? У меня, между прочим, фирма была, крупнейшая в области, и вообще... я такие бабки заколачивал...

- И куда же она делась? - с сомнением спросила я. На бизнесмена Мишка был мало похож, физиономия как есть разбойничья, щетина, волосы торчат в разные стороны, левая бровь рассечена, остался шрам с белыми зубчиками. Нет, бизнесмен так не выглядит. Правда, я их сроду не видывала... И Анька, моя подружка, всегда твердит, что бизнесмен по-русски, считай, тот же разбойник. Опять же, колотил он меня весьма чувствительно, может, поэтому я к нему и

придираюсь?

- Кто? - поднял он бровь.

- Фирма, естественно.

- Никуда она не делась, - разозлился Мишка. - Это я делся, аж на семь месяцев. А у нас ворон не ловят, раз и... Чего я тебе говорю, ты ж в этих делах не смыслишь.

- А по-моему, ты врешь, - не осталась я в долгу. - Никакой ты не бизнесмен. Ты свою физиономию в зеркале видел? Просто так людей в тюрьму не сажают.

- Ага... грамотная очень... Между прочим... - В этом месте он махнул рукой, обиженно засопел и всецело сосредоточился на бутербродах.

- Так что у вас с Катькой произошло? - не выдержала я.

- Ничего.

- Как это ничего? За что ж ты ее, то есть меня, колотил? Я ей сестра и знать хочу...

- Вот у сестры и спрашивай. Мне так даже любопытно, что она ответит.

Я обиделась и кофе пила в молчании. Покончив с едой, Мишка прошел в ванную и, не закрывая дверь, замер перед зеркалом.

- Да... рожа что-то не очень, я бы даже сказал совершенно гнусная рожа... Вот что, родственница, я малость оттянусь в ванной, придам себе достойный вид, а ты посмотри в спальней, висят ли мои костюмы, а то, может, Катька их давно загнала по дешевке. С нее станется.

- Сам и смотри, - проворчала я.

- А чего тебе делать? Занята очень?

- Нет, - пожала я плечами.

- Ну так помоги человеку.

- Ладно, - неохотно согласилась я и поднялась по лестнице в спальню. Там, где я ночевала прошлой ночью, мужских вещей точно не было, поэтому я отправилась в спальню напротив. Мишка совершенно напрасно подозревал Катерину, одежда его содержалась в образцовом порядке. Я вернулась в кухню, громко крикнув: - Цело твое барахло. - Услышал он или нет, судить не берусь. Быстро помыв посуду, я вновь поднялась наверх и устроилась в спальне, в той самой, где провела ночь, размышляя, что ж мне теперь делать. Особых идей не наблюдалось, если я опоздала на встречу с сестрой сегодня, значит, придется ждать завтрашнего утра, есть слабая надежда, что Катька позвонит... На всякий случай следует держаться поближе к телефону. Включив телевизор, я пошарила по каналам и с досадой забросила пульт, ничего интересного. Тут дверь распахнулась, и на пороге возник Мишка, весьма довольный собой. Он тщательно побрился, облачился в светлый костюм и даже нацепил галстук, мокрые волосы были расчесаны на косой пробор. Если он думал произвести впечатление, то старался напрасно: небритая разбойничья рожа теперь стала бритой - вот и вся разница.

- Надо в парикмахерскую наведаться, - заявил он, с явным удовольствием разглядывая себя в зеркале.

- Ага, - равнодушно отозвалась я.

- Чего «ага»?

- Я про парикмахерскую...

- А ты чем думаешь заняться?

- Я телевизор смотрю.

- Тоже мне занятие... Пойдем по городу прогуляемся, зайдем куда-нибудь, отметим возвращение...

- А деньги у тебя есть? - насторожилась я.

- На выпивку хватит, не волнуйся.

- Нет, я, пожалуй, здесь останусь, завтра утром домой уезжаю, предстоит дальняя дорога, надо отдохнуть...

- Ну, как знаешь. Ключи внизу, на тумбочке.

Еще раз взглянув на себя в зеркало, Мишка удалился. Вскоре хлопнула входная дверь, и стало тихо, а я с облегчением вздохнула.

Однако через некоторое время лежать без дела мне надоело, и я решила сходить в магазин, раз уж у меня появились ключи. Переделалась в Катькин сарафан, припудрила синяк на скуле, помянув Мишку недобрым словом, и, прихватив сумку, вышла из дома. День был душным, после ночного дождя страшно парило, дышалось с трудом, прохожие поражали измученными лицами, и я подумала, что прогулка вряд ли доставит мне удовольствие, но по магазинам все-таки прошлась, потом вдруг увидела рекламный щит возле кинотеатра и отправилась в кино, так что дома появилась уже ближе к вечеру. Вошла, громко крикнула «Мишка» и, убедившись, что его нет, заглянула в кухню, приготовила ужин, пустила воду в ванную и вскоре лежала в мыльной пене с бокалом пепси в руках.

- В такой жизни что-то есть, - заметила я со вздохом и тут услышала настойчивый звонок в дверь. Звонок меня озадачил. Гостей я не ждала, но звонили так упорно, что я решила: может, Мишка ключи потерял и теперь в собственную квартиру попасть не может?

Накинув халат, я прошлепала к двери, на ходу ворча:

- Иду, иду. Незачем так трезвонить. - «Точно, Мишка», - решила я и посмотрела в дверной глазок, но перед дверью стоял отнюдь не Мишка, а Юрий Павлович, хозяин заведения, где трудилась сестрица. Выглядел он крайне озадаченным.

Если честно, встречаться мне с ним совершенно не хотелось, я начала удаляться на цыпочках от двери, пусть целый вечер звонит в свое удовольствие, но в

последний момент все же передумала и открыла дверь.

– Здравствуй, радость моя, – плотоядно ухмыльнулся он и шмыгнул в квартиру.

– Здравствуйте, – ответила я и поправилась: – Здравствуй. В чем дело?

– А это я у тебя хотел спросить, – еще шире и еще противнее улыбнулся он.

– В каком смысле?

– В буквальном...

Я уже пожалела, что не послушалась внутреннего голоса и открыла дверь. Тут я вспомнила, что стою без очков и даже без косметики, и этот тип... вот черт. Подводить Катю мне не хотелось, с другой стороны, какая теперь разница... Надо было сразу сказать, лишь только дверь открыла, что Катю нет, а я ее сестра.

– Может, ты пригласишь меня в свою уютную гостиную? – проворковал он.

– Проходи, – пожала я плечами. – Правда, я сейчас занята и...

– Душ принимала? – закивал Юрий Павлович. – Вижу, вижу. Без косметики ты выглядишь очень миленько... Помолодела... прямо не узнать.

– Да, – промямлила я.

Мы уже вошли в гостиную, Юрий Павлович сразу же устроился в кресле, а я зажгла настольную лампу. В комнате к этому времени уже стемнело, а включать верхний свет я поостереглась: не может ведь человек, находясь в трех шагах от другого человека, не заметить, что тот... Я опять разозлилась: на кой черт не сказала сразу...

– А где же Катерина? – улыбаясь во весь рот, спросил Юрий Павлович. Челюсть у меня отвалилась с тихим щелчком, и я вроде бы выпучила глаза, но быстро с собой справилась: выходит, наши хитрости никого не обманули... Что ж, тем лучше.

- Катерина? – выжав улыбку, переспросила я. – Не знаю.

- Серьезно? И не догадываешься?

- Ну... возможно, она где-то с мужем отмечает его возвращение.

- Михаил вернулся? – нахмурился Юрий Павлович.

- Да. Сегодня.

- И Катька его видела?

- А почему вас это удивляет? Он ей муж, в конце концов.

- Они развелись.

- Милые бранятся, только тешатся.

- Это я и без тебя знаю. – Он посидел немного, пожевал губами и вдруг заявил: – Не мог я ошибиться. Зачем-то вам этот спектакль понадобился. Думала, я такой дурак? А я не дурак, я возьми да и проверь... – Он вскочил и навис надо мной, опершись рукой о спинку кресла, на котором я сидела. Физиономия его при этом была совершенно безумной.

- Слушайте, – забеспокоилась я. – Зачем так волноваться...

- А я знаю зачем, – брызжа слюной, продолжил он, не реагируя на мою просьбу. – Старичка-то тю-тю, а? С Мишкой она развелась, он ей не даст ни копейки, да и с квартиры погонит...

- Ничего подобного, – встряла я. – Они любят друг друга...

- Кому ты это лепишь, дурочка? А может, ты и вправду ничего не знаешь? Только я за версту вижу, все вижу... и этот прохвост, весь в долгах...

– Как вы себя чувствуете? – вконец перепугалась я. – Может, воды принести?

– Ах ты дрянь, – совершенно обезумел он. – Дурака из меня делаешь?

«Чего ж тут делать? – испуганно подумала я. – Дурак и есть, к тому же буйный...» Словно в подтверждение моих слов, Юрий Павлович рванул меня за ворот халата, тот неожиданно распахнулся, а я завизжала.

– Ты мне все скажешь, – взревел он и накинулся на меня, я пнула его ногой, он взвыл и замахнулся, а я, решив, что колотушек с меня хватит, вскочила, схватила настольную лампу и огрела ею Юрия Павловича по голове.

Он свел глаза у переносицы и рухнул на ковер, а я отскочила в сторону, все еще держа в руках эту проклятую лампу, которой я совершенно не причинила никакого вреда, даже лампочка продолжала гореть, а вот лоб Юрия Павловича приобрел устрашающий вид, он был залит кровью, и зрелище это произвело на меня такое впечатление, что я, постояв немного с выпученными глазами, рухнула по соседству с Юрием Павловичем, а лампочка, должно быть, все-таки разбилась, потому что, когда я вновь открыла глаза, было темно.

Мне очень хотелось верить, что кровавое побоище мне привиделось и на самом деле не было никакого Юрия Павловича, настольной лампы и прочих ужасов, но, придя в себя, я сразу поняла, что лежу вовсе не в своей постели, а на полу, причем в крайне неудобной позе. Я протянула руку и нащупала что-то мягкое, резко села, вглядываясь в темноту. Так и есть, рядом кто-то лежит, а кто может лежать, как не Юрий Павлович, которого я огрела по голове.

Я поднялась на ноги и, слегка пошатываясь, пошла к двери, рядом с которой был выключатель, вспыхнул свет, на мгновение ослепив меня, я торопливо вернулась назад, протерла глаза и потрясла головой, точно надеясь избавиться от наваждения.

Юрий Павлович лежал на спине, раскинув руки и ноги, глаза его были закрыты, а возле головы уже образовалась лужица крови. Ахнув, я опустилась на колени и стала трясти его за плечо. И тут выяснилось, что под его спиной тоже кровь.

– Господи, – пролепетала я. – Неужто столько крови вылилось из такой маленькой ранки? – Я посмотрела на лампу, которая валялась рядом, основание

у нее было бронзовое... А что, если я его убила? Заверещав тоненько и жалобно, я попыталась привести его в чувство. – Юрий Павлович, – причитала я, – очнитесь, пожалуйста. Я вас не хотела... честно, это я с перепугу... – Рука его была теплой, но какой-то вялой, я взвыла и, собрав волю в кулак, стала нащупывать пульс. Либо делала я это неправильно, либо пульса не было. – Мама моя, – всхлипнула я и тут увидела, что халат мой в крови. Я заорала в голос и бросилась к входной двери. Она была заперта на ключ. Разумеется, о ключах я не подумала, пришлось возвращаться в холл. Оказавшись на улице, я добежала до угла дома и тут поняла, что все делаю неправильно. Надо вызвать «Скорую», а не бежать в ночь, сломя голову.

– Меня посадят в тюрьму, – жалобно причитала я, вертясь в нескольких метрах от дома. Сбежать я не решалась, но и возвращаться было страшно. Не могла я его так сильно ударить... я и стукнула-то вполсилы и даже не очень замахивалась... В конце концов, он начал первый... – Я должна вернуться и вызвать «Скорую», – раза три повторила я, кивая головой в такт своим словам. – И ничего он не умер. С какой стати ему умирать, это глупо даже... Подумаешь, стукнули по голове лампой, а упал он на ковер. Ну, может, сломал чего-нибудь, но умереть-то с чего? Ему уже пора очнуться...

Подходя к двери, я лелеяла надежду, что Юрий Павлович в самом деле очнулся и сейчас встретит меня пусть и очень рассерженный, но живой. Я осторожно поднялась по лестнице и едва не вскрикнула от радости, потому что отчетливо различила шаги. Кто-то прошел по гостиной, потом протяжно свистнул, а я с сильно бьющимся сердцем ворвалась в комнату.

Юрий Павлович так и лежал на полу, а над ним стоял Мишка и таращил глаза. Вид у него был совершенно нездоровый, я имею в виду душевное здоровье. При моем появлении он вздрогнул, поднял голову и спросил, некоторое время беззвучно шевеля белыми губами:

– Что за дерьмо?

– Где? – спросила я первое, что пришло мне в голову.

– На ковре, естественно.

– Это Юрий Павлович, – сглотнув, сообщила я.

- Сам вижу, что Юрий Павлович. А за что ты его уколошила?

- Я нечаянно, он драться полез, а я его лампой. А он взял и упал. И я тоже.

- Ну что за день, - чуть не плача, сказал Мишка. - Только вышел - и нате вам. Ну на фиг, скажи на милость, ты уколошила его в моей квартире? Тебе что, в городе места мало? Сколько угодно, вон хоть в сквере напротив... Господи, - воздев глаза к потолку, жалобно спросил он. - Ну за что мне все это? Чем я хуже других?

- Прекрати, - рявкнула я, поведение Мишки возымело на меня совершенно неожиданное действие, я вроде бы начала успокаиваться. - Надо вызвать «Скорую».

- Труповозку, - поправил Мишка, оторвавшись от лицезрения потолка. - И милицию. Нет. Милицию, а труповозку они сами вызовут.

- Какая труповозка? Я ударила его лампой. Вон она лежит, видишь?

- Вижу, - кивнул Мишка. - Ударила и ударила. Мне-то какое дело, я тут ни при чем. И что он тебе такого сделал, что ты решила его укокошить? До чего же вы, бабы, кровожадные... А по виду ни в жизнь не скажешь.

- Как укокошить? - Из всей Мишкиной тирады я услышала одно лишь слово.

- Это тебе лучше знать. И не вздумай мне рассказывать. Я не прокурор. Вот он тебя выслушает... Угораздило меня притащиться не вовремя.

Я подошла к Юрию Павловичу и опустилась рядом с ним на колени.

- Так он правда мертвый? - пробормотала я испуганно.

- Мертвее не бывает, - с каким-то подозрительным удовлетворением ответил Мишка. - Хоть сейчас хоронить.

- Господи, но почему? - заревела я.

– Ладно, не убивайся так. И звони скорее в милицию, они страсть как не любят, если темнишь и сразу их не вызовешь. А я пойду, делать мне здесь совершенно нечего. Если не возражаешь, не стоит вообще упоминать, что я заходил. Я у друзей переночую. – Он протянул мне трубку и сказал: – Звони.

– Так я в самом деле его убила, – пробормотала я, не в силах поверить в это.

– Ну, дело житейское... Говоришь, он тебя поколотить хотел? Ты испугалась и... Красивая девчонка всегда красивая девчонка... Судьи тоже люди, а если адвокат будет стоящий, получишь сущие пустяки.

– Я не хочу...

– Само собой. Что ж теперь, в жизни всякое бывает. А пистолет где? Лучше отдай его сразу, не вздумай прятать, это только ухудшит твоё положение.

– Ты что, сдурел? – начав немного соображать, рявкнула я. – Какой пистолет?

– Я про него знать ничего не хочу, – замотал головой Мишка. – И не рассказывай, я все равно не слушаю, вот сейчас менты приедут, и болтай сколько хочешь...

– Заткнись, – возвысила я голос. – И объясни, что ты имеешь в виду?

– В каком смысле? – насторожился он.

– В смысле пистолета? Что за глупость такая?

– Почему глупость? Из чего-то ты шмальнула его, верно? Ну, не пистолет, так револьвер, я ж не баллистическая экспертиза.

– Ты что, хочешь сказать, я в него стреляла? – наконец дошло до меня.

– По-твоему, он сам застрелился? – начал терять терпение Мишка.

– Я ударила его лампой, – чувствуя, что сию минуту могу упасть в обморок, заявила я.

– Seriously? – ехидно скривился мой новоявленный родственник. – Тогда он в самом деле сам застрелился, спрятал оружие, потом лег и умер. Занятно, но ментам это вряд ли понравится.

– С чего ты взял, что его застрелили? – балансируя на грани здравого смысла, продолжила я выпрашивать Мишку.

– Ну... – Он опустился рядом со мной, распахнул пиджак на груди Юрия Павловича и ткнул ему пальцем в грудь. – Видишь? – Я уставилась на палец, затем перевела взгляд на грудь и в самом деле увидела на рубашке две дырочки. – Прямо в сердце, – с чувством удовлетворения заметил Мишка. – Если я ничего не путаю, стреляли дважды. Но, конечно, тебе лучше знать.

– Вот что, – придя в себя и поднимаясь с пола, заявила я. – Я ударила его лампой, видишь, ссадина на лбу? Он упал и я рядом, потому что очень испугалась, а когда очнулась, выскочила на улицу, потом немного успокоилась и вернулась, чтобы вызвать «Скорую», а здесь ты стоишь над трупом и нагло врешь, что я его застрелила.

– Кто ж его, по-твоему, застрелил? – нахмурился Мишка.

– Откуда мне знать? – ответила я и потянулась к телефону, но родственник перехватил мою руку.

– Подожди, дорогая. Ты на что ж намекаешь? Хочешь свой труп на меня повесить? Ну, матрешка, ну... – Он выдал нечто замысловатое, но основную идею я уловила.

– Я вызываю милицию, пусть они разбираются.

– Нет, подожди... О черт, – вдруг рявкнул он и кинулся из комнаты, бегом поднялся наверх по лестнице и яростно затопал над моей головой. Вернулся минут через десять, физиономия его за это время претерпела кое-какие изменения, а именно: приобрела мраморную бледность и нездоровый блеск в глазах. – Твою мать, – заорал он, как только влетел в комнату, и стал приближаться. Особого ума не требовалось, чтоб сообразить, с какой целью. Я торопливо набрала 02. – Эй, матрешка, – вытянув вперед руки, проворковал он и

тут же сорвался на крик: – Брось трубку, дура. Тебе ж хуже будет. – Мотнул головой, а потом даже улыбнулся: – Оленька, не стоит торопиться. Давай все обсудим.

– Давай, – подумав, согласилась я.

– Ты ударила его лампой, так?

– Так.

– Он упал. И что дальше?

– Дальше я тоже упала.

– Лишилась чувств?

– Да. У него кровь была на лбу, и я испугалась.

– Ага. Упала и чего?

– Лампа погасла... Ведь я его лампой...

– Это я слышал. Дальше.

– Дальше? Очнулась, темно. Зажгла свет. Он лежит. Я стала его трясти.

– То есть ты была рядом с ним?

– Конечно.

– И он был жив?

– С чего бы ему умереть, ведь я только ударила его лампой и то несильно?

– Но парень-то отключился, – пробормотал Мишка.

– Отключился, – согласилась я.

– Когда ты очнулась и начала его трясти, кровь на полу видела?

– Да. Вокруг головы.

– А здесь? – Он ткнул пальцем на ковер.

– Я не знаю, – заревела я. – Я на голову смотрела. – И тут отчетливо вспомнила, как пыталась нащупать пульс и старалась определить, дышит ли Юрий Павлович. – Была кровь, – не рискнула соврать я. – И дырочки вроде были, только я на них внимания не обратила. Зачем мне эти дырочки, я ж по груди его не била, только по голове... Миша, я его не убивала, – перешла я на отчаянный рев.

– Помолчи, – шикнул он. – И дай мне подумать... Ох, мама моя, до чего ж не везет, ну надо же... Вот что, – немного пометавшись по комнате, заявил он. – Надо его отсюда убрать.

– Куда? – не поняла я.

– Куда угодно. Только подальше от моей квартиры. У меня аллергия на трупы.

– Что ты говоришь? Как это «убрать»? А милиция?

– И никакой милиции. Послушай, дело наше дохлое. Ментам свою сказку можешь не рассказывать. Они ни в жизнь не поверят. Уж я-то знаю... Вот что, когда ты на улицу сиганула, входная дверь была открыта?

Я зажмурилась, но не от желания восстановить события в памяти, а от ужаса, потому что прекрасно помнила, как возвращалась за ключами.

– Заперта на ключ.

– Вот-вот. Менты умрут от счастья. Скажут, как же так, гражданочка, ключи на тумбочке, дверь заперта, следовательно, на улицу выйти никто не мог, а у вас тут труп образовался.

- Ты мог. Ведь вошел же?

- Но после того, как дядю кокнули.

- Ты мог войти раньше, когда я лежала без памяти, а потом разыграть этот спектакль.

- И на фига мне это, не подскажешь? Если б я его кокнул, то быстренько бы смылся, и возись сама с этим трупом как знаешь. А я приперся, и надо же: в самый неподходящий момент.

- Я его не убивала, - кусая губы, заявила я.

- Конечно. И я его не убивал. Но кто-то его кокнул?

- Почему я должна тебе верить?

- А я с какой стати должен верить тебе? - скривился Мишка. - Говорю, дело нашедохлое. Не тебя, так меня непременно посадят, а скорее всего обоих.

- Но почему...

- По кочану. И отвяжись. Говорюдохлое, значит,дохлое. По башке ты ему двинула, выходит, и пристрелить вполне могла от избытка чувств, а на меня и так всех собак рады навешать. Я уже семь месяцев отсидел в СИЗО, и можешь мне поверить, ни малейшего желания туда возвращаться не имею.

- За что? - вдруг спросила я.

- Чего? - не понял Мишка.

- За что сидел семь месяцев?

- А-а, из-за твоей сестрицы, чтоб ей... Ладно, чего теперь. Но мне там жутко не понравилось, и тебе тоже не понравится, так что слушай, что говорю: надо от него избавиться.

- Почему я должна тебе помогать? А если ты его вправду убил, а теперь... Ведь я не убивала...

- Опять сказка про белого бычка, - развел руками Мишка. - Короче, так: я не верю тебе, ты не веришь мне, труп здесь, менты нагрянут, и чем дело кончится, ведомо одному господу. Второй вариант: ты веришь мне, а я тебе, и мы быстренько избавляемся от трупа.

- А потом?

- А потом суп с котом. Давай решим одну проблему, а уж после этого будем голову ломать над остальным.

- Но как мы от него избавимся? - теряя уверенность, спросила я. - На руках понесем?

- Зачем? В гараже машина. Вывезем потихоньку... Ой, с души меня воротит от такого дерьма...

- Меня тоже, - кивнула я обреченно.

- Давай шевелись. Найди какое-нибудь покрывало.

Я поднялась наверх, заглянула в шкаф и в самом деле обнаружила кое-что подходящее, правда не покрывало, а верблюжье одеяло, с ним я и вернулась к Мишке.

- Вот, - сказала я со вздохом.

- Годится. Помоги мне, надо его завернуть.

Стараясь не смотреть на Юрия Павловича, я опустилась на колени рядом с Мишкой, мы расстелили одеяло, закатали на него труп и с большим облегчением закрыли его лицо.

- Что теперь? - перешла я на шепот, и Мишка тоже шепотом ответил:

– Я понесу его, а ты двери открывай. – Он взвалил на плечо бездыханное тело и стал спускаться по лестнице, я забежала вперед, открыла дверь гаража и включила свет. – Багажник открой, – прошептал Мишка так тихо, что я едва услышала и ответила:

– Я не умею.

– Нечего уметь, он не заперт, просто поверни вот эту штучку. – Я повернула, багажник открылся, а Мишка чуть возвысил голос: – В углу клеенка, постели ее, да поживее, он тяжелый. – Клеенку я постелила, он положил на нее труп, и тут выяснилось, что в багажнике Юрию Павловичу несколько тесновато. – Вот черт, – разозлился Мишка, укладывая его поудобнее, а я принялась стучать зубами.

– Осторожней, – проронила я, а он огрызнулся:

– Может, сама попробуешь? – Наконец он хлопнул крышкой багажника и сказал: – Садись.

– Куда?

– В машину, естественно. Поедешь со мной.

– Я не хочу...

– Я тоже. Но если решили, значит, надо действовать... И перестань стучать зубами, у меня от этого мурашки по коже.

Я ухватила свою челюсть и, точно во сне, села на переднее сиденье, Мишка устроился рядом, завел машину и тут уставился на меня.

– О черт, иди переоденься. – Я перевела взгляд на свою грудь и только сейчас сообразила, что на мне купальный халат, да еще и в крови. С легким визгом я бросилась переодеваться. – Халат захвати, – крикнул вдогонку Мишка. – Нельзя его в доме оставлять.

Не помню, как я переодевалась, но минут через десять вновь оказалась в машине с пакетом в руках: в нем лежал халат.

– Мы свет не выключили, – пробормотала я.

– Вот и хорошо. Считается, что ты дома. – Я не очень поняла, что он имеет в виду, но уточнять не стала.

Мы выехали из гаража и не спеша двинули в сторону проспекта.

– Куда мы едем? – вновь перешла я на трагический шепот.

– К реке. Самое подходящее место для того, чтобы прятать трупы.

– У тебя есть опыт? – испугалась я.

– Лучше заткнись, – скривился Мишка.

Мы нырнули под мост и принялись плутать какими-то мрачными переулками, наконец дома кончились, и при свете луны я увидела пологий берег реки, заросший кустами. Мишка притормозил возле какого-то странного сооружения из кирпича, открыл окно, взглянул на него и заявил:

– Отлично. – После чего направился к берегу, съехал с песчаной дороги и остановился возле самых зарослей.

– Что дальше? – спросила я, мои зубы отбивали дробь, но я уже перестала обращать на это внимание.

– Выходи, – сказал Мишка, затем открыл багажник, что-то достал оттуда и направился в сторону кирпичного монстра, а я, переминаясь с ноги на ногу, ожидала небесной кары в виде милицейского патруля или каких-нибудь сумасшедших купальщиков.

Точно в ответ на мои мысли со стороны города появились огни, причем штук шесть, вскоре грохот двигателей возвестил о том, что к реке несется кавалькада мотоциклов. Я крикнула Мишке, но получилось тихо и жалобно, мотоциклы приближались, я завертелась на узком пространстве между кустами и машиной, но единственное, что сообразила сделать: захлопнула багажник. Потом

прилегла в высокую траву, ближе к зарослям, потому что незваные гости уже были в нескольких метрах от меня.

Сначала я решила, что они проедут мимо, но тот, что ехал впереди, затормозил, и остальные замерли как по команде. Здоровенный парень, обвешанный цепями, точно новогодняя елка украшениями, постучал по стеклу «девятки» и сказал:

- Эй, дядя, здесь наша территория. С тебя штраф, десять баксов.

Я уткнула голову в согнутый локоть, с ужасом ожидая, что за этим последует. А последовало вот что: публика, никак не меньше десяти человек, окружила машину, кто-то распахнул дверь и весело сообщил:

- Хозяин отсутствует, а ключи в замке.

- Может, решил искупаться?

- Ну что ж, назад пойдет пешком. - Все дружно заржали, один из парней сел за руль, потому что заработал двигатель, и через полминуты все направились по песчаной дороге в сторону кладбища, впереди Мишкины «Жигули», а за ним мотоциклы. Еще через минуту сделалось темно и тихо, лишь луна продолжала сиять ровно и отстраненно... К этому моменту появился запыхавшийся Мишка.

- Где машина? - рявкнул он, я вылезла из кустов, ткнула пальцем на запад и сообщила:

- Там.

- А труп? - Я только головой покачала. - Эти придурки угнали машину вместе с трупом?

- Они ж не знали, что он там.

- А ты куда смотрела? - разозлился Мишка.

- Я в кустах лежала, - огрызнулась я. - Ты чего хотел, чтоб я вступила в поединок с десятком парней? Нет уж, спасибо...

- Да им бабки нужны.

- Точно. Десять баксов. У меня с собой ни копейки. А доллары я видела только в кино. И отвяжись. Если ты такой храбрый, чего ж не прибежал и здесь не разобрался?

- А я что делал? Несся как угорелый. Между прочим, расстояние приличное. - Тут я с ним не могла не согласиться.

- А зачем ты вообще туда поперся? - проявила я интерес.

- За камнями, чтобы труп утопить понадежнее. - В доказательство он продемонстрировал мне мешок, правда пустой.

- Чего ж ты сразу камней не захватил?

- В целях безопасности, близко на машине подъезжать не резон, там мог быть сторож, запомнит номер и...

- Мишка, - заревела я, наконец-то сообразив, что произошло. - Что ж нам теперь делать? Ведь никто не поверит, что мы не виноваты.

- Это точно, - кивнул он удрученно. - Труп проворонили и... Ладно, - почесав в затылке, заявил он через некоторое время. - Кончай хныкать. Потопали отсюда. Один умный человек, не помню кто, утверждал, что из любой ситуации можно найти выход, если, конечно, мозги есть. У тебя как с этим делом?

- С каким? - не поняла я.

- С мозгами, конечно.

- Не знаю. По-моему, не очень, - вздохнула я.

- Тогда делай что говорю, авось и прорвемся.

- Мишка, может, в милицию, пока не поздно?

- Поздно, матрешка, поздно. - Он взял меня за руку, и мы побрели по тропинке в сторону города.

- Как ты думаешь, что они сделают с машиной, то есть с Юрием Павловичем? - помолчав немного, спросила я.

- Смотря какое на них произведет впечатление покойный. Если сильное, бросят машину вместе с ним, если убойное, сделают за нас нашу работу: труп утопят, а тачку разобьют, а если к трупам они равнодушны, то скорее всего решат заработать.

- Как можно заработать на трупе? - растерялась я.

- Очень просто. Позвонят завтра по телефону и предложат его выкупить.

- И что мы будем делать? - боясь упасть в обморок, пролепетала я.

- Мы будем искать убийцу. Настоящий убийца - наш единственный шанс не угодить в тюрьму...

- А как мы его найдем?

- Пока не знаю.

Мы уже вышли к ближайшим домам, Мишка огляделся, желая сориентироваться, и потянул меня за руку.

- Но для того, чтобы найти убийцу, нам понадобится время, именно поэтому следует максимально оттянуть момент счастливого свидания с милицией. Поэтому я сейчас отправлюсь в кабак, чтобы граждане меня увидели и запомнили. А ты иди домой, вычистишь ковер и все уберешь как следует. Ясно?

- Ясно, - кивнула я. - Только я боюсь одна домой. А если милиция приедет?

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.me/tatyana-polyakova/baryshnya-i-huligan>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)